

СИБИРИАДА

АЛЕКСАНДР
ЧИНЕНКОВ

Форпост
в степи

Сибиряда

Александр Чиненков

Форпост в степи

«ВЕЧЕ»

2016

Чиненков А. В.

Форпост в степи / А. В. Чиненков — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4444-8974-1

Молодая жена барина принудила крепостного кузнеца Архипа Санкова стать ее любовником. Благородному сердцем и чистому душой юноше претила такая связь, и он, набравшись решимости, рассказал о ней хозяину. К удивлению Архипа, тот спокойно выслушал рассказ и неожиданно, вместо жестокого наказания, выдал крепостному «вольную грамоту». На прощание барин сказал Архипу, кто его отец и где его искать. Пять лет ходил кузнец по свету в поисках отца, но... Везде его ожидало только разочарование. И вот однажды волею судеб он попал в провинциальный степной городок Оренбург. Архип тогда и предположить не мог, что попадет в бурлящий котел невероятных событий и, что самое удивительное, станет в цепи бушующих страстей едва ли не главным связующим звеном.

ISBN 978-5-4444-8974-1

© Чиненков А. В., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Часть первая. Сакмарский городок	6
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александр Чиненков

Форпост в степи

© Чиненков А. В., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

* * *

Часть первая. Сакмарский городок

1

Лука Барсуков подошел к лошади и высоко занес ногу, чтобы вдеть ее в стремя. Казак ухватился за луку седла, перемахнул другой ногой через круп лошади и уселся верхом.

Этот момент он любил больше всего, ибо всякий раз в голову приходила мысль, что он не простой казак, а офицер-дворянин или даже сам императорский полководец, фигура грозная, сиятельная и весомая: расшитый золотом мундир, скрывающие грудь боевые ордена; на плечах – эполеты с бахромой; на голове – папаха. А на левом боку покачиваются отливающие серебром ножны сабли.

Но это лишь несбыточные мечты. Лука тяжело вздохнул, встряхнул головой и, вспомнив о документе, непроизвольно коснулся ладонью груди. Пакет, переданный атаманом еще вечером, надежно хранился у казака. О документе знали только он, Лука Барсуков, и атаман, доверивший ему этот важный документ.

Казак повертел головой – как всегда, когда брался исполнять что-то важное и ответственное, вытянул вставленную в стремя ногу и на минуту представил себе, как входит в кабинет губернатора. Увидев себя гордо стоящим с высоко поднятой головой перед самим генералом, Лука улыбнулся и чуть шевельнул ногой, подшпоривая недовольно фыркнувшего под ним гнедого.

Барсуков тронул повод и отъехал от ворот.

Уже светало, и шел мокрый снег впережежку с дождем. Весна теснила зиму, но та еще всячески сопротивлялась.

Казак от двора сразу мог повернуть налево и добраться до переправы через реку кратчайшим путем, однако он позволил себе сделать небольшой крюк по главной улице городка. Эта дорога была окольной, но она вела по оживленной, особенно в утренние часы, улице: его могли увидеть люди, идущие в церковь. И Лука неизменно испытывал удовольствие, когда перехватывал полные любопытства взгляды молодых казачек. Вот и сегодня он не преминул сделать крюк, хотя из-за плохой погоды не надеялся увидеть Авдотью Комлеву, по которой давно и безнадежно сохло его пылкое сердце.

Лука вздохнул: не повезло. Собственно, не повезло прежде всего Авдотье, потому что его не увидела. Она не знает, что по улице проскакал лихой посланец атамана, что в пакете, который сжимает под мышкой, он везет нечто такое... такое, что, возможно, заставило бы строптивую красавицу взглянуть на Луку не насмешливо, как обычно, а уважительно. Что тайлось в послании атамана, Лука не знал, но наверняка это должно быть что-то значительное. Атаман пустые писульки отправлять самому губернатору не посмеет. Казаку очень хотелось стать сегодня вестником какого-либо судьбоносного события, о котором впоследствии узнает весь городок или, по крайней мере, Авдотья. И тогда она, наверное, скажет: «Э-э-э, да, может быть, это благодаря Луке сее благостное свершилось...»

Проезжая дома Куракиных и Тушкановых, расположенные в конце улицы, Лука осмотрелся. Вокруг не было ни души. Между тем мокрый снег сменился мелким дождем. Капли проникли за воротник, и казак зябко поежился. Путь до Оренбурга был недалек, но скакать под морось...

Юноша бросил тоскливый взгляд на пасмурное небо, перекрестился и, взмахнув нагайкой, заставил коня перейти с рыси на галоп. Так вот и началось судьбоносное путешествие «атаманова порученца»...

* * *

Выслушав казака, слуга куда-то ушел. Вместо него поспешно явился господин в штатском – он не поздоровался с казаком, а Лука не поздоровался с ним – и взял у него пакет. Вскоре тот вернулся. Казак прямо-таки физически ощущал, как слетает с него недавняя спесь. Штатский смотрел куда-то мимо Барсукова, а он, со своей стороны, равнодушным взглядом скользил сверху вниз по фигуре штатского.

– Вот тебе рубль, служивый, и вертайся домой.

Незнакомец вложил в ладонь Луки монету и, развернувшись, исчез. Появившийся слуга указал казаку на дверь и вкрадчиво, словно боясь его обидеть, сказал:

– Передай атаману, что господин губернатор благодарит его за службу. Пусть и впредь не теряет бдительности.

Чувство, которое испытал Лука, оказавшись на улице, было похоже на отрезвление. Он уже не ощущал себя великолепным, знатным воином. Вот если бы можно было как-нибудь...

Казак понимал, что его грезы и желания нелепы, неисполнимы, и все же не мог не позволить себе помечтать о том, как однажды ему представится случай появиться во всем воображаемом великолепии дома. При этом он не имел в виду дом родителей. Другое дело – подъехать ко двору Авдотьюшки: немного подождать, когда она выглянет в окно, а из своих домов повывскакивают любопытные соседи. И только после этого спрыгнуть с лошади, да так, чтобы сабля хорошенько звякнула, а к тому времени найдется не один мальчуган, который будет счастлив, что ему позволят подержать коня геройского казака. А Лука будет уже подходить к крыльцу, топая так, чтобы шпоры звенели; дверь приоткрылась бы, и оттуда вышла бы порозовевшая от смущения, прячущая глаза Авдотья. И она увидит, какой он высокий и статный – чтобы войти в дом, ему придется даже снять папаху и наклонить голову. А вслед ему донесется восхищенное шушуканье ослепленных его бравым видом соседей...

– Ай, казак, дай погадаю, всю правду скажу: где невесту найдешь, как жить будешь.

Лука мгновенно освободился из плена грез и увидел перед собой цыганок. Одна из них была пожилая, другая – совсем молоденькая.

Казак к цыганской ворожбе относился настороженно, поэтому ответил:

– Для чего мне искать невесту, невеста у меня уже имеется.

– Ой, пригожий, не говори так. – С этими словами старая цыганка взяла руку Луки и повернула ладонью вверх. – Видишь, куда ведет эта линия?

– А откель она ведет? – спросил Лука.

– А ведет она, золотой, совсем в другую сторону от твоей невесты. И свое счастье найдешь ты в той стороне и будешь жить хорошо, но тревожно. И со временем... позолоти ручку, красивый, всю жизнь твою расскажу.

Лука невольно заинтересовался и отдал цыганке рубль, который вручил ему человек губернатора и который он перед возвращением домой намеревался проесть в кабаке.

– И со временем, – продолжала ворожея, – ты встретишься с государем. Я тебе дальше скажу, пригожий, как обласкан ты будешь милостью государевой, станешь богатым, позолоти ручку.

Казак понял, что представление пора заканчивать, и почти силком вырвал руку, потом взглянул на молодую цыганку и неожиданно сказал:

– Пусть она мне погадает.

– Пусть погадает, – сказала старшая, загадочно улыбнулась и отошла в сторону.

Девушка сняла с головы платок и повязала его вместо пояса. Темные волосы рассыпались по округлым плечам. Она спокойно взяла одной рукой Луку под локоть, а второй повернула ладонь кверху.

Ее руки были мягкими и прохладными. Когда Лука посмотрел на нее, увидел серьезный взгляд бездонных черных глаз, небольшой, с горбинкой нос и полуоткрытый рот с красиво очерченными губами. Она что-то говорила, водя указательным пальцем по его ладони, но Лука почти не слушал, неотрывно глядя на девушку. Наконец юноша очнулся и спросил, о чем она так долго рассказывала.

– Вот непонятливый, да все о твоей невесте!

Лука попросил вкратце повторить и, когда она обрисовала портрет его девушки, серьезно сказал:

– Слушай, так она на тебя похожа!

Цыганка недовольно отбросила его руку и, надув губы, отвернулась. Казаку стало жаль ее:

– Послушай, красавица, сейчас золотить твою ручку мне нечем. Может, за так погадаешь?

Не получив ответа, он проводил уходящих цыганок печальным взглядом и вскочил на коня.

– Ну что, Орлик, айда до дому. Жрать и пить теперь нам придется только в городке.

2

Весна 1771 года застала русскую армию в окопах. Русско-турецкая война была в самом разгаре, и казалось, боевым действиям не будет конца. Враждующие стороны безжалостно истребляли друг друга...

Первое, о чем подумал, очнувшись, солдат – что он ужасно выглядит, и поручик Шкурин выйдет из себя и начнет визжать, как хряк недорезанный. Такого с ним еще не случалось – так вываливаться в грязи...

Казак попытался встать, но руки по локоть увязли в жидкой грязи, а когда он провел ими по лицу, чтобы стереть пот, то почувствовал, что весь заляпался. Солдат ощупал тело, голову – вроде ничего! Но где его шапка?

Отсутствие шапки заставило его окончательно прийти в себя. Он выразительно матюгнулся.

Если бы его заботы ограничивались испачканной формой – чего бы он за это только ни дал! Даже проклятия охотно бы проглотил. Только бы не грязная лужа, в которой он валяется, как боров в жидком навозе.

Разрывы снарядов – два совсем близко, чуть не за его спиной, третий немного правее – заставили его прижаться к земле; всем телом, ладонями и лицом прильнуть к ее вязкой поверхности. В тот же миг на спину посыпались мелкие комья глины и камней.

Каких-нибудь несколько метров – и солдат мог бы разом избавиться от всех земных забот!

Казак свернулся в клубок, точно этим мог защитить то, что называл своей жизнью, что в нем отзывалось стуком сердца, горячим дыханием. Всем телом он ощущал ужас, от которого мысли кружились бешеной каруселью: «Не желаю помирать, не желаю, не желаю – только бы это не прибило меня, только б не попало...»

В ту же минуту что-то больно ударило его в бок. От короткого тупого удара тело напряглось, точно отвердевшими мышцами могло помешать проникновению боли внутрь. Но боль не пошла дальше ребер и быстро ослабла. Тут казак осознал, что кто-то кричит на него яростно, хриплым голосом, и крик этот доносится сверху.

– Хорунжий Пугачев, что развалился, как на бабе, скотина?

Он обернулся и увидел молокососа поручика Шкурина в забрызганной грязью форме, стянутой ремнем на широкой талии. Тот как раз собирался пнуть его под ребра. При этом он размахивал пистолетом и, перекикаявая грохот снарядов, вопил:

– Емеля, сукин сын!.. Прикажу заporоть тебя после боя батогами!

Как ни странно, но этот удар офицерского сапога буквально вышиб казака из плена смертельного страха. Пнуть сзади, да еще лежачего, – это было неслыханное оскорбление, хуже удара кулаком в лицо; это было подло.

Пугачев стоял во всей красе перед вопящим офицером, перед этим недомерком, который, быть может, и ногтя его не стоит, а подпрыгивает перед ним да еще пистолетиком грозит.

У казака Емельяна Пугачева был независимый характер, что очень не нравилось его военному начальству. Особенно поручику. Между ними постоянно возникали столкновения. Но на этот раз...

– Не слишком-то размахивай пистолетом-то, а то ненароком рука отвяжется. Хотя ты и при должности офицерской, а я – ты хоть ведаешь, гнида, кто я таков? Я, поди, кровей почище твоих буду. Может случиться, еще на коленях будешь ползать за то, что обскорбил меня нынче? А чтоб не тянуть, за твое постыдное леганье сейчас я тебя...

Офицер, чья дрожащая рука наконец перестала дергаться, не успел нажать на курок. Он распрямился, и в следующую минуту его тучное тело сложилось пополам. Шкурин, уже мертвый, с раздробленной осколком снаряда головой, упал к ногам казака, испачкав его грязные сапоги брызнувшей кровью.

И сразу же в сознании Пугачева возникло: война. Война с грохотом разрывов, свистом пуль и фонтанами взметающейся земли – и нет этому кошмару конца.

Казак тут же снова упал на землю, чтобы прильнуть к ней, стать маленьким неприметным бугорком на ее поверхности.

Теперь он не мог себе представить, что минуту назад оказался способен в этом смертельном вихре подняться на ноги ради коротышки, который его оскорбил. Да разве имеет какое-то значение задетая честь? Что вообще означает честь в этой кровавой мясорубке? Честь поручика Шкурина размазана на его грязном сапоге вперемешку с кровью и землей. А его честь? Важнее всего – остаться в живых. Вот что сейчас главное.

Пугачев вдруг вспомнил рассказ погибшего Шкурина о царе Петре III. Казак отирался у госпиталя в ожидании перевязки и невольно подслушал разговор между поручиком и офицером из соседнего батальона. Этот рассказ почему-то прочно засел в его голове и стал для него пока еще смутной, но навязчивой идеей.

Он мало что осмыслил в пересказанной поручиком биографии Петра III, хотя запомнил почти каждое слово. Более всего отложилось то, что государь издал указ об уничтожении Тайной канцелярии, с пренебрежением относился к духовенству. Также он запомнил, что супруга его, Екатерина, нынешняя императрица, – баба скверная и своенравная. Она захватила императорский престол, а самого Петра отослали в какую-то Ропшу, где он и скончался. Мысли о покойном императоре часто будоражили Пугачева. Он сам себе, бывало, по несколько раз пересказывал эту историю, словно зная, что полученные сведения ему когда-нибудь пригодятся.

И тут... Казалось, оглушительный грохот битвы вдруг слился в единый взрыв, легко оторвавший казака от земли, как ураган вырывает деревья с корнями. Взлетев на воздух, он попытался ухватить пальцами пустоту, а потом острая боль вновь швырнула его на землю, раскаленным штыком пронзила голову. Пугачев успел осознать, что на него низвергается осыпь камней, комьев земли и грязи, а затем его глаза закрылись...

* * *

Когда-то давно в донскую станицу Зимовейская, где проживал Емеля со своими родителями, пришел юродивый. Маленький смешной старичок топал по снегу, улыбаясь беззубым ртом и дружески кивая каждому встречному.

Его появление в станице удивления ни у кого не вызвало: юродивые никогда не переводились на Руси.

Старичок, которого тут же прозвали Огрызком, вел себя как настоящий сумасшедший: не мылся, ходил босиком даже в лютые морозы, но никому не докучал. Казаки его почитали и немного побаивались. Огрызок мог без приглашения войти в любой дом и говорить с хозяевами о чем угодно. Считалось, что если человек божий коснется немытой рукой твоей головы или поцелует в губы – это к счастью. Если позволит потрогать свой «срам» – к исцелению от бесплодия. Но если вдруг прилюдно начнет раздеваться догола – к большой беде или неминуемой смерти.

При этом Огрызок был человеком добрым и безвредным, не обращал внимания на насмешки казаков, и его часто видели молящимся.

Он бродил по станице, смешил ребятишек, хулиганил перед казаками. Однажды Огрызок удивил всех.

– Деток жалко! Вижу: в огне они, в огне!

Целый день старичок бился в истерике. До крови расцарапал грязными ногтями лицо, а потом сорвал с себя одежду. На следующий день в доме казака Усачева случился пожар. Все его дети погибли...

Некоторое время спустя Огрызок пришел к умирающей жене Матвея Ногина. Прямо с порога юродивый бросился к смертельно больной женщине, стал целовать ее в губы, срывать с нее одежду.

– Постой, дурень! – завопил потрясенный увиденным Матвей.

– Сам дурень! – огрызнулся юродивый, продолжая обнимать умирающую грязными руками.

Затем он ушел так же неожиданно, как и пришел. А на следующий день женщина поднялась с кровати и без посторонней помощи вышла на улицу.

После этого случая казаки табуном ходили за юродивым, выклиная у него исцеление от разных болезней, но Огрызок лишь грубил им:

– Чего пристали... Ступайте вон!

С наступлением весны юродивый куда-то засобирался. Казаки уговаривали его остаться, но Огрызок лишь угрюмо отмалчивался и молился, не отводя глаз от иконы в доме Пугачевых. Наконец он подозвал к себе Емелю, положил ему руку на голову и вкрадчиво заговорил:

– Предначертано тебе, Емелюшка, быть в этой жизни большим человеком и великим воином. Тебя будет любить и почитать народ. Но бывать этому недолго. Опосля примешь ты смертушку лютую, страшную. А любовь и почитание по тебе народ сохранит на многие года...

Юродивый встал, поклонился Пугачевым и, выйдя за дверь, исчез, словно его никогда в станице и не было. Вскоре все забыли о его существовании, кроме Емельяна. Слова Огрызка глубоко запали в его душу.

* * *

Казака разбудил дождь, смочивший открытую голову и шею. Несколько минут он целиком был занят осознанием того, что жив. Жив! Ободрившись, принялся изучать: ранен, не ранен? Но решил на это не сразу, опасаясь узнать что-нибудь страшное. Продолжая лежать неподвижно, прислушивался, не ощутит ли где боль: живот, грудь, ноги – нет, руки и голова в порядке. Тогда он предпринял еще одну попытку: попробовал совсем немного пошевелить сначала одной рукой, затем другой, потом повертел головой, подогнул левую ногу. Подгибая правую, почувствовал в бедре обжигающую боль.

Несмотря на рану, он должен был выбраться отсюда. Да только это не так просто.

Выбраться – значит встать с земли и тем самым подставиться под пули и осколки снарядов. От одной только мысли об этом пот выступил у него на лбу. Сильная усталость разлива-

лась по телу. Он понимал, что не должен ей поддаваться, но после всего пережитого искушение было слишком велико. Только бы не сморил сон.

Дождь кончился. Вдруг казак заметил, что левая нога цепенеет от холода, а правой почему-то тепло. Жар разливался от бедра к колену, даже к икре. Сердце сжалось от страха. Пугачев резко согнул ногу, и правое бедро сразу же отозвалось острой болью. Он спешно расстегнул ремень и провел рукой по ноге, пытаясь нащупать место, источающее тепло. Пугачев поднес руку к глазам, вся она оказалась красной от крови. Да, да, это его кровь вытекает из тела, а с нею по каплям вытекает и жизнь. Он подохнет от потери крови, подохнет, как бродячий пес! На помощь бы кого позвать... Кричать надо, чтобы его услышали, надо сейчас же вскочить с земли и бежать назад, надо...

Между тем он все еще прижимался телом к земле, неподвижный, беспомощный.

Казак немного пришел в себя. Главное – не поддаваться страху и панике. Драть глотку, вызывая о помощи, нет смысла, хотя кругом и тихо. Идти он не может: любое движение усилит кровотечение. Но что-то нужно было делать.

Пугачев вновь засунул руку в штанину и коснулся пальцами раны. Почувствовал легкую пульсацию крови, ударяющую в пальцы. Так, а теперь он крепко, со всей силой, прижмет пальцы к ране. Казак настороженно ждал. Кажется, удалось. Только не ослабить нажатие, выдержать? Напряженные пальцы быстро начали уставать. А это означает...

Казак почувствовал острое желание оставить в покое рану и хоть немного передохнуть. Пугачев старался не шевелиться, не усиливать кровотечение. Только бы не заснуть, как бы ни хотелось сомкнуть веки! Заснешь – погибнешь. Умирать еще рано. Он еще не сделал того, о чем ему говорил юродивый, и твердо верил, что смерть не заберет его под свист пуль и грохот взрывов.

А сейчас важно хорошо наложить повязку на рану и остановить кровь. Борясь с наступающим сном, Пугачев разлепил веки и осмотрелся. Кроме перемешанных с землею трупов, он не увидел никого. Люди, живые, где вы? Никого... никого! Ох, Боже! Тяжела десница твоя!

Вдруг он увидел оседланного коня. Не веря своим глазам, казак привстал и, морщась от боли, пополз к животному. К счастью, конь стоял на месте, видимо, возле убитого хозяина и стриг ушами. Боясь его спугнуть, Пугачев подполз поближе и ухватился за стремя. Конь вздрогнул, фыркнул, но с места не сошел.

– Стой, стой, родимый, – прошептал казак. – Унеси меня отсель, родимый. Домой, на Дон меня умчи!

Пугачев нашел в себе силы взобраться в седло. Конь перемахнул через заваленную трупами траншею и помчался в сторону видневшегося леса.

Наступила ночь. Над лесом сияла луна. Едва держась в седле от усталости и потери крови, казак гнал коня вперед. Знал он и турок, и русских: погоня едва ли будет. Он гнал коня несколько часов, не останавливаясь, и совсем запыхался. Ветки хлестали по лицу, пот заливал глаза, кровь из раны сочилась, кружилась голова. Емельян нагнулся к коню. Горячий, весь в пене, он мчался, вздымая тихий ночной воздух. Прискакал к ущелью. Что-то сверкнуло впереди. Костер. Пригляделся. Так и есть, сидят турки, пьют, горланят.

– Еще разок не подведи, браток.

Емельян тронул поводья и поскакал подальше от ущелья. Конь задыхался. Пугачев выхватил из-за голенища сапога нож и кольнул им в ребра животного. В гору, под гору. Да-да, лети, мой спаситель! Уже скоро будем далеко от пуль и снарядов. И... О горе! Конь встал на дыбы и рухнул бездыханный на землю. Упал и казак. О Боже, горе-то какое!

Две крупные слезы скатились на усы.

– Видать, не судьба домой возвратиться. Господи, за что мне доля такая?..

3

Управившись с домашними делами, Лука шел в кузницу. Здесь ему нравилось все: запахи горящего угля в горне и каленого искрящегося железа, наваленный вдоль стен металлический хлам. Кузнец Архип Санков, богатырского телосложения казак, с красивой русой бородкой и смуглым лицом, всегда встречал Луку радостно. Он выходил на улицу, вытирал о фартук руки и с любовью рассматривал юношу, щуря глаза от солнца. Откуда он взялся в городке, уже мало кто помнил, но его все уважали. Архип жил один, детей у него не было, может, еще и поэтому ему нравилось беседовать с Лукой. Он обстоятельно расспрашивал о делах в семье, об Авдотье, а потом давал советы. В кузнице Лука становился у мехов и поддувал горн, а Архип колдовал у наковальни.

Вот так, неожиданно и нежданно, юноша сделался незаменимым помощником Архипа-мастера.

Лука только что закончил делать металлический букет, который намеревался повесить на воротах своего дома. Он вышел на улицу и, усевшись на скамейке, расслабился.

Так Лука и сидел, пока из-под полуприкрытых век не заметил какое-то движение на дороге. Пыля босыми ногами, мимо кузницы шли две цыганки. Юноша едва не подпрыгнул, узнав в них гадалок, которые не так давно рассказывали ему разную чепуху у ратуши в городе Оренбурге.

Старшая цыганка приветливо кивнула Луке:

– Здравствуй, соколик, гадать будешь?

Девушка подошла поближе. На ней была красивая кофта, на плечи накинута полупрозрачная косынка. Она смотрела на Луку, как бы удивляясь встрече. Молодые люди уселись под дубом, росшим рядом с кузницей, и разговорились. Девушку звали Ляля. Она чисто, без акцента говорила по-русски.

Юноша пригласил Лялю в кузницу. Архип внимательно рассмотрел гостью, поздоровался. Ляля похвалила поделки Луки.

– У нас в таборе тоже есть кузнец, но он только лошадей подковывает да телеги.

Старшая цыганка между тем взяла за руку Архипа и отвела его в сторону.

– Что она хочет ему сказать? – спросил Лука.

– Не знаю, – пожал плечами Ляля. – Тетя Серафима у нас в таборе лучшая гадалка, она редко ошибается.

Видя, что от слов цыганки у Архипа потемнело лицо и он стал тяжело дышать, Лука насторожился:

– Чего это с ним?

– Нам пора.

Девушка легко вскочила на ноги и подбежала к Серафиме. Цыганки не оглядываясь поспешили к лесу. Видимо, там расположился их табор.

Лука с тревогой посмотрел на хмурое лицо кузнеца:

– Что ты, Архип? Аль цыганка предсказала тебе страшную судьбину?

– Нет, – вздохнул кузнец. – Она разворошила мои старые раны. Эта стерва глянула в самое нутро души моей и вывернула ее наизнанку, словно Библию от корки до корки зараз прочитала!

– И что же она вычитала?

– То, что никому не должно знать.

Архип встал и как-то отрешенно вздохнул:

– Айда делом займемся. Еще дюжину подков сшибить надобно. Утром Егор Зверев да Матвей Гуляев лошадей подковывать приведут.

* * *

Ни на другой день, ни на следующий Ляля и Серафима к кузнице не пришли. Минула неделя. Архип, нахмурившись, смотрел на тоскующего Луку и тоже переживал.

– Ну что ты, сиденок, сохнешь? Бывалочи, я тоже за девками бегал за двадцать пять верст. И ты иди к цыганам, покуда оне не ушли, и прознай, в чем дело.

На другой день Лука поехал в табор. «Наверное, я чем-то обидел Лялю», – удрученно думал он и пытался угадать, чем же. Занятый своими мыслями, он не сразу заметил женщину, шагавшую ему навстречу. Это была Серафима.

– Здравствуй, золотой, ненаглядный. Нарушила наш закон Ляля. А наши законы строги. У нее есть суженый, и этого изменить нельзя.

– А как же линии, о которых ты гадала? – растерян спросил Лука.

– Линии, они правильные. Линии на руках чертятся судьбой и никогда не обманывают. А ты, соколик, и сам эти линии сотвориай. И знай, брильянтовый, Ляля никогда твоей не будет!

Сказав это, она повернулась и ушла.

Подъезжая к табору, Лука увидел повозки, накрытые яркими пологам, пасущихся лошадей, костры. Он остановил коня у дороги и сделал вид, что рассматривает подкову на ноге Орлика. Юношу вскоре обнаружила ребятня. Окружив Луку, дети наперебой предлагали свои услуги, но не даром, потому и протягивали ручонки. Он раздал всем по кусочку сахара, который прихватил из дома, и попросил отойти. Только один мальчик стоял в стороне, не принимая участия в попрошайничестве. Его лицо показалось Луке знакомым. Юноша подошел, дал ему несколько кусочков сахара и тихо спросил:

– Твою сестру зовут Ляля?

– У меня нет сестры, а Ляля – моя тетка.

Лука готов был расцеловать мальчугана. Он попросил сказать своей тете, что у дороги ее дожидается Лука. Мальчик согласно кивнул.

Ждать пришлось довольно долго. Наконец совсем с другой стороны появилась Ляля. Она осторожно ступала по земле. Шикнув на ребяташек, подошла и поцеловала Луку! В глазах у нее стояли слезы. Как и думал казак, в таборе узнали, что она с Серафимой ходила в городок и встречалась с Лукой. Барон вызвал к себе Лялю и ее суженого и велел готовиться к свадьбе. Когда девушка отказалась, ее избили кнутом. Ляля приподняла кофточку и показала красные полосы на спине.

– Я не пойду замуж за Вайду. Он вредный, противный. И я его нисколько не люблю! Я лучше утоплюсь в Сакмаре. – И с этими словами она обняла Луку.

Молодые еще немного поговорили, и Лука поскакал домой. Он не знал что делать. Юноша уже не представлял своей жизни без Ляли. Решил, что утром посоветуется с Архипом, а потом упадет в ноги родителям.

Но посоветоваться с Архипом Лука не успел...

4

В 1771 году Сакмарский городок был крепостью, и стояла она на горе Могильной, получившей свое название по находящемуся на ней кладбищу. За крепкими бревенчатыми стенами жилых домов не было. Лишь в центре белели два строения из камня-плитняка, приспособленные для временного проживания крепостного гарнизона и хранения боеприпасов.

Крепость была построена четырехугольником. Южная стена со стороны соседствующей Араповой горы тянулась от восточной башенки вдоль кладбища. Стена была глухой и ворот не имела. Северная и восточная стены соединялись между собой высокой сторожевой башней

с небольшим колоколом, который возвещал казакам, когда следовало отворять или закрывать ворота, расположенные посреди западной стены крепости. В минуту опасности колокольный звон призывал казаков к оружию. Тут же был ход на стену. А над воротами стояли две невысокие круглые башенки. Склон всей горы был сплошь покрыт колючим кустарником, только в восточной стене имелась крохотная, едва различимая калитка, от которой вниз к реке Сакмаре вела крутая тропинка.

Жители Сакмарского городка селились рядом с крепостью. Казакам принадлежали плодородные земли между речками Сакмара и Салмыш. Грамотных среди них можно было пересчитать по пальцам, и часто случалось, что бывалый воин не мог написать на бумаге своего имени. К счастью, в ту пору мало писали бумаг, а когда возникала в том необходимость, то атаманов писарь Гордей Тушканов витиевато строчил на плотной желтой бумаге длиннейшие жалобы и все, о чем его просили.

Сакмарские казаки не кичились своим богатством, хотя жили зажиточно; были незаносчивы, но горды.

Окружающие городок земли обширны и плодородны: много заливных лугов, лес. Продуктов – изобилие, людей... людей маловато.

Так или иначе, жилось в казачьем Сакмарском городке совсем неплохо! Со времени освоения сакмарских берегов атаманом Василием Араповым сорок лет прошло. И все это время бежали к крепостным стенам городка простые люди от гнета и произвола царского да за религию преследуемые. Такими мужественными людьми и пополнялся Сакмарский городок. И становились люди эти «казаками образцовыми во всех отношениях».

Весной 1773 года в городке насчитывалось пятьдесят дворов.

Сакмарск постепенно ширился, рос и превращался в видный городок, расправляя крылья и превосходя остальные казачьи поселения Оренбургского края и славой, и могуществом, и богатством.

Крепкие стены, высокие башни крепости, чугунные пушки являлись надежной защитой от набегов кочевников. Под прикрытием внушительной твердыни казаки время от времени пускали кровь непрошеным гостям.

* * *

В церкви отслужили вечерню; сакмарцы торопливо расходились по домам, потому что дождь лил как из ведра. Двое остановились на перекрестке. По дороге они не проронили ни слова: мешал ливень. С одежды стекали ручейки, а из высоких шапок, точно из желобов, хлестала вода.

– Слава Господу! – заметил казак Авдей Барсуков. – Сейчас будем под крышей. Зайди, сосед, на минуту в мой дом. Хочу обспросить тебя кое об чем.

– Не время сейчас, – ответил Егор Комлев. – Ей-богу, не могу. Анистья моя прихворнула. Кабы беды не случилось какой.

– А что стряслось? – любопытствовал Авдей.

– Да кто ее знает, – ответил неопределенно казак. – Огнем вся пылает, как печка.

– Мариулу звали?

– Приходила она. Какие-то отвары притаскивала, а здоровья они Анистье моей не прибавили.

– Да брось ты, сосед, – не унимался Барсуков. – У тебя аж три дочери дома-то. Неужто за матушкой не приглядят? – И, взяв Егора под руку, Авдей почти силком повел его в свой дом.

Переступая порог, Комлев удивился. В передней были люди. За столом сидели Никодим, брат Авдея, и его жена Прасковья и супруга Авдея, Груня; первый задумчиво уперся локтем о стол, а Прасковья, скрестив руки на груди, о чем-то тихо разговаривала с Груней.

В стороне, у окна, прижав ладони к влажному стеклу, стоял Лука Барсуков и хмуро смотрел куда-то в дальний угол избы.

Тускло горевшая лампа слабо освещала помещение.

От неожиданности Комлев остановился на пороге. Этот сбор Барсуковых показался ему подозрительным.

Никодим и женщины легким поклоном головы поприветствовали гостя.

– Проходи и за стол сидай, – улыбнулся Егору Никодим. – Гляди, как вымок под дождем! Что стог сена в чистом полюшке. Мы рады, что не счел зазорным заглянуть к нам. Ну? Чего еще медлишь и не входишь в дом моего брата? Что с тобой? Вон супруга моя тоже тебя зрить желает. Не удивляйся! Все мы здесь только тебя и дожидаемся.

Никодим тараторил без умолку. Он лукаво подмигивал Егору, который нерешительно топтался у двери, сжав кулаки и удивленно разглядывая присутствующих.

От потока добрых слов Никодима у Комлева, видимо, отлегло от сердца, и, сделав три-четыре шага, он протянул Барсукову руку.

– Спаси Христос (так сакмарские казаки говорят «спасибо») за приглашение, соседи.

– Ха, ха, ха! Спаси Христос, говоришь? – промолвил Никодим, весело улыбаясь и потряхивая Комлеву руку. – Давай сидай рядышком, обговорить кое-что надо б.

– Об чем болтать-то на ночь глядя? – насторожился Егор.

Хозяин дома слушал речь брата с явным удовольствием. Скрестив руки на груди, он благодушно улыбался. Наконец он произнес:

– Поболтать всегда есть о чем, сосед. Чай, не вражины мы!

– Вот и я о том, – прервал брата словоохотливый Никодим, поглаживая всклокоченную бороду. – Много годков знаем друг дружку и зла меж собой не держали никогда.

Лицо Егора залил румянец, и он выпрямился.

– Дочку твою Авдотьюшку вот засватать мыслим, – перешел к делу Авдей, – заневестилась девка-то, видим?

– Истину сказал брат, – поддержал его Никодим. – Да и уговор о том, как мне помнится, был?

Все вдруг замолчали. Никодим пытливо смотрел в глаза ошарашенного Егора, пытаясь прочесть в них, о чем тот думает. Взгляд Егора лихорадочно блуждал, рот полуоткрылся. Одной рукой он оперся о стол, а другой ухватился за грудь.

Авдей, стоя у печи, молча грыз ус; остальные словно окаменели. Никодим положил руку на плечо Комлева и сказал:

– Что скажешь, сосед?

– Уговор был, верно сее, – вздохнул Егор и обвел присутствующих взглядом. – Только вот непонятно мне, почему вы сейчас так вот не по-людски дочку мою сватаете?

– Господь с тобой, сосед, – рассмеялся Никодим. – Сватать мы только еще собираемся. А тебя звали сюда для того, чтоб знать доподлинно волю твою родительскую. Осрамиться не хотим. Вдруг, когда сватать девку пожелаем, ты нам от ворот поворот дашь?

Прежде чем ответить, Комлев вздохнул, обернулся к притихшему у печи Авдею и спросил:

– А чего спешить-то? Господь даст, доживем до осени, а там дам свое согласие и дочке родительское благословение.

– Не то говоришь, сосед, – нахмурился Авдей. – У сына моего Луки в башке ветер появился. Этот дурень давеча к цыганам в табор ездил! Цыганка там одна дурит его, а нам того не надобно.

– Батя, – вмешался все это время угрюмо молчавший у окна Лука, – я ж...

– Цыц, стрыган, – грозно взглянул на сына Авдей. – Не смей в разговор старших вступать. Сейчас возьму вот камчу да спущу с тебя шкуру-то! Ступай вон во двор, погляди, чего собака с цепи рвется, и не заходи в избу, покуда не позовем!

* * *

Лука вышел на крыльцо. Вспомнив утренний разговор с отцом, юноша побледнел и опустил голову.

...Проснувшись, Лука решил поговорить с отцом. Авдей с задумчивым видом сидел за столом.

– Бать, а бать, – обратился юноша, – дозвожь попросить тебя об одной милости.

– Проси, коли надобность в том есть.

– Хочу жениться! – выпалил Лука.

– Ты? – удивился отец. – Что это за блажь на тебя накатила?

– Сам того не ведаю, – ответил Лука. – Но жить бобылем больше мочи нет!

– Чем же жизнь твоя тебе опостылела? – И Авдей озабоченно посмотрел на Луку. – И на кого глаз положить соизволил? Поди, на Авдошку Комлеву?

– Нет, не на нее, батя, – возразил юноша.

– Тогда на кого? – нахмурился отец.

– На благодетельную сердцем цыганскую девушку Лялю, отец.

– Лука! Тобой овладела грязная похоть!

– Обуяла меня любовь, чистая, как небо Господне.

– Ты рехнулся?

– А что? Сколько казаков себе жен из полоненных ордынок брали!

– Тогда все иначе было.

– А разве на ком казаку жениться имеет значение?

– Нет, не имеет! – нехотя ответил отец.

– Тогда выслушай меня, батя. Дорога мне цыганка та. И я... и я ей по сердцу пришелся!

– Лука! Лука! Что ты в башку свою втемяшил? Господи, смилуйся, прости чадо мое неразумное! Несчастный! Чем тебе Авдошка Комлева плоха? Красивая, работающая. У нас с ее отцом уговор об вашем венчании был. Как мы после всего народу в глаза глядеть будем? Срам-то какой, Господи!

– Господь видит, что я поступаю правильно! – воскликнул юноша, становясь на колени перед отцом. – А Авдошка уже не по сердцу мне.

– Что-о-о?!

– Господом Богом молю, благослови нас, батя, и я буду счастлив! Батя, молю тебя, благослови.

– Я? На сею непотребность? – Авдей даже вздрогнул.

– Разве тебе кто это сделать воспрещает?

– Не воспрещает.

– Я не хочу под венец с Авдошкой.

– Цыц, дурень. Как ты в башку себе не втемяшишь, что девка наша, соседская! И не блудня цыганская. Первая красавица на весь городок!

– Да. Но сердце мое по другой сохнет. Увидел Лялю – и точно солнышко в моей душе вошло. Я понял ясно, как мне должно жить далее. Душа моя в один миг от скверны очистилась. Сейчас она тихим покоем наполнилась, верой в Господа, любовью! И словно вошел в меня Святой Дух. И это из-за цыганки, которую я возлюбил всем сердцем!

Отец задумался. Потом поднял руку и не сказал, а отрезал:

– Не будет по-твоему, Лука! Сегодня же брата позову, и думать будем, как сосватать тебе невесту, раз жениться приспичило!

– Авдошку?

– Ее самую.

Лука чуть не набросился на отца с кулаками, но воспитание не позволило ему совершить страшный грех. Юноша лишь сильно побледнел и скрипнул зубами.

– Батя, но...

– Ступай вон навоз вычисти, – перебив сына, грозно глянул на него Авдей. – Себе перечить не позволяю. Коли еще об цыганке заикнешься, шкуру спущу...

Грозно зарывчав, пес Султан рванулся к воротам. Кованная Лукой цепь натянулась, как струна. Казак мгновенно отвлекся от своих тягостных воспоминаний и поспешил к калитке.

– Кто там?

– Это я, Ляля.

За воротами действительно стояла промокшая насквозь цыганка. Дрожа от ночной прохлады и возбуждения, она сжимала руки Луки и бессвязно бормотала:

– Я убежала из табора, я никогда туда не вернусь, я хочу быть только с тобой...

Лука еле ее успокоил, и они тут же отправились к Архипу. Кузнец долго протирает глаза спросонья, не удивившись, впрочем, их появлению, и наконец сказал:

– Гляжу, дело принимает плохой оборот, но раскисать не будем. Надо б посоветоваться с Мариулой. Пошли будить ее, покудова не стряслась беда.

– К Мариуле?!

Лука заколебался и жалобно посмотрел на друга. В его семье старую ведунью недолюбливали и даже побаивались.

– А что? – недоуменно посмотрел на него Архип. – Мариула хоть и стара, но умна очень. Она еще с атаманом Араповым пришла на сакмарский берег и...

– Айда, – недослушав кузнеца, решительно сказал Лука и взял дрожащую Лялю за руку.

Тем временем дождь прекратился, а над городком сгустилась такая тьма, что человек, шедший по одной стороне улицы, не смог бы узнать проходивших по другой стороне.

Старая Мариула жила в домике рядом с крепостью. Лука, Ляля и Архип остановились у ворот, и кузнец решительно постучал кулаком в калитку. Их встретил внук Мариулы и провел к крыльцу.

– Бабушка ждет вас еще с вечера, – сказал он, – даже в церковь нынче не ходила.

Гости удивленно переглянулись и вошли в дом. В передней комнате, пол которой был устлан мягкими ковриками, стоял большой дубовый стол. На него была наброшена красивая скатерть; на разных подносах лежали свежие булки, витушки, шаньги, стояли вазочки с медом и мелко наколотыми кусочками сахара. Тут же стоял самовар.

В углу висела полочка с иконами, а чуть ниже – еще одна, на которой теснились книги в красных и коричневых переплетах. На книгах лежала Библия в матерчатом футляре.

За столом сидела старуха с цветным платком на голове.

Взгляд Мариулы был печальным. Явные следы тревоги мешали ей хранить на лице ясный, приличествующий ее возрасту покой.

Она шевельнулась и сделала вид, что хочет подняться навстречу гостям, но кузнец поспешил к ней и, присев рядом, чмокнул в щечку.

– Здравствуй, почтенная Мариула, – сказал он. – Гляжу, ты не хвораешь.

– Милости прошу к столу, люди добрые, – тягуче пропела старуха неожиданно молодым, крепким голосом. – Слава Господу нашему Иисусу Христу, на здоровье покуда не жалуясь. – И спросила с легкой обидой: – Что ж это тебя давненько не было видно, Архипушка? Совсем позабыл меня?

Не ожидая ответа, прищурившись, Мариула посмотрела на Луку и Лялю.

– Проходите, дорогие, садитесь.

Парень с девушкой пробежали по мягким коврикам к старухе и протянули руки. Она коснулась их кончиками сухих пальцев.

– Это сын Авдея Барсукова и Ляля, цыганка, – представил их кузнец.

– Ведаю о том, – тихо сказала Мариула и улыбнулась молодым. – Я все о вас знаю.

Гости расселись вокруг стола, и старуха сложила перед собой руки:

– Пусть пошлет вам Господь богатство и долгую жизнь.

Мариула налила в пиалы крепкого чаю и вздохнула:

– Э-хе-хе... Какой чай! Душистый, с травами. Такого, как у меня, нигде не сыщешь.

Ведунья предложила отведать яств с подносов, расставленных на столе. Она осторожно пила ароматный чай и вдруг сказала:

– Какая ты, Ляля, ладная и пригожая! Да где же тебя Лука такую сыскал?

В ответ смущенная девушка прижалась к юноше, но ничего не сказала.

– Из табора она сбегла, – проглотив кусочек пирога, уточнил Лука.

– Что ж, пушай покуда у меня поживет. Чую я, что придут ужо за ней.

Лука во все глаза смотрел на старуху. А та молча пила чай, ожидая, когда гости перейдут к волнующей их теме разговора.

– Чую я, вокруг какое-то беспокойство назревает, – сказал наконец кузнец Архип, обращаясь к старухе. – Казаки недовольны...

– Чем же? – спросила Мариула.

– Бес их знает, – пожал плечами Архип. – Слыхал только, что волюшку казачью поубавить хотят.

– Хотят – знать, поубавят, – вздохнула старуха. – У них власть и сила.

– Так императрица что обещала? – нахмурился кузнец.

– Она и передумать могла. – Мариула вновь наполнила пиалы и взяла из вазочки кусочек сахара: – Ну да будя. О том опосля говорить станем. Много будем о том говорить! Сейчас надо бы о девушке подумать. О судьбинушке ее незадвигной.

– О чем это вы? – уставился на старуху Лука.

– Она знает, – неопределенно ответила Мариула, выразительно посмотрев на притихшую Лялю.

– Что она знает? – не поняв, переспросил юноша.

– А ты у нее самой спроси, – улыбнулась ведунья. – Ляля все о судьбе своей и твоей ведает.

Заметив, что девушка замкнулась и не желает ничего говорить, Мариула сменила тему:

– Надо бы десять раз отмерить, один раз отрезать, – осторожно продолжила она. – Теперь казаки не те, что раньше, при атамане Арапове! Упал дух боевой-то. Да и кочевники, к счастью, нынче мало докучают.

– Да я хоть сейчас в бой, – вскочил возмущенный словами Мариулы Лука. – Да я...

– Не те сейчас казаки, и атаман не тот, – словно не слыша юношу, продолжила старуха. – Атаман Арапов что орел был, а нынешний...

В комнате стало тихо. Но пауза длилась недолго.

– Ступайте себе, казаки, по избам, – сказала строго Мариула. – Уже скоро вам предстоит показать свою доблесть и выбрать сторону добра или зла. Господь призовет к подвигу во имя достижения великой цели. Тогда вы и узнаете, с кем правда, а с кем кривда.

– Айда, Лука, – кузнец встал из-за стола и пошагал к выходу.

– А?... – юноша посмотрел на притихшую Лялю, затем перевел взгляд на Мариулу.

Она улыбнулась:

– Ступай, ступай себе, голубь. Ты ей уже помочь ничем не сможешь.

Как только внук закрыл дверь за вышедшими казаками, старуха посмотрела на Лялю:

- Ну? Судьбу свою знаешь, дочка? Али подсказать что?
- Я все знаю, – всхлипнула Ляля, и в ее красивых глазах заблестели слезы.
- Вот и смирись с нею. – Мариула встала и провела ладошкой по голове девушки. – Судьбу не обманешь и ее не изменишь, ибо спустилась она с небес от самого Господа!
- А может... – Не закончив фразу, Ляля зарыдала и, схватив руку старухи, прижала ее к своему лицу.
- Сама ведаешь, что нельзя, – вздохнула Мариула. – А теперь айда поживать. Уже завтра от цыган твоих отбиваться придется.

5

Промозглым весенним днем одинокий путник, прихрамывая, брел по размокшей от обильных дождей дороге. Настроение у него было под стать погоде. Из-за пригорка навстречу ему выехал отряд улан. Заметив всадников, мужчина сошел с дороги и исчез за стволами берез, обильно росших вдоль обочины.

Возглавлявший отряд офицер решил, что это, скорее всего, солдат, оставивший поле боя и пробирающийся в глубь страны. Офицер оглянулся – не сильно ли отстали его подчиненные, потом поскакал по дороге и вскоре настиг путника. Это был человек еще молодой, крепкого телосложения, в перепачканной грязью военной форме. На голове вместо шапки повязана тряпка, на ногах – расплзающиеся от избытка влаги сапоги, какие тогда носили солдаты русской армии. Черты его лица были не распознаваемы из-за пышных усов и грязной бороды; глаза черные и живые. В руках он держал увесистую дубину. Когда офицер остановил рядом с ним коня, мужчина спокойно оперся на дубину.

- Кто таков? – спросил улан, положив руку на эфес сабли.
- Ваше благородие, видимо, ослепло, ежели не видит перед собой человека, – дерзко и хладнокровно ответил путник.
- Ты что, охренел, скотина? – грозно крикнул офицер. – Почему ты свернул с дороги?
- Да вот зрением слаб и с разбойниками вас перепутал. К тому же война недалеко, и трудно определить, кто вокруг околачивается – солдаты или мародеры-разбойники.
- Думаю, что дезертир ты, хамло нечесаное, – вспылил офицер. – Но ничего, в штабе мы дознаемся, что ты за птаха перелетная! Следуй за мной.
- Извиняй, твое благородие, но мне надо б домой. Прощевай и не поминай лихом. Незнакомец повернулся к офицеру спиной и собрался уходить.
- А ну стой, собака! – взревел улан и, обернувшись, крикнул: – Эй, солдаты, сюда! Пустив коней вскачь, отряд быстро приблизился к своему командиру.
- Этот дезертир нагл и слишком дерзок, – указал пальцем на незнакомца офицер. – Мы должны заковать его в цепи.

Путник исподлобья пристально, но без малейшего страха смотрел на окруживших его всадников.

- Кто ты таков? – еще раз спросил офицер, глядя в упор на незнакомца. – С какой части удираешь, скотина?
- Я царь расейский. Петр Федорович! – с серьезным видом заявил мужчина.
- Уланы вначале опешили, но затем дружно захохотали.
- Ты с испугу умом повредился, мужик? Да за такие слова можно не только поркой или каторгой отделаться! – сказал офицер, на лице которого, в отличие от подчиненных, не проскользнула даже тень улыбки.
- Вы ж, почитай, сами видите, кто я таков, так чего вопрошаете? – сказал незнакомец, пожимая плечами.

– Ступай за нами, мужик. – И офицер перевел взгляд на солдат: – Самохин, Никитин, свяжите его веревками, чтобы «его величество» чего-нибудь не выкинуло попутно.

Улан Самохин спешился, отвязал от седла конец поводка и направился к дезертиру. В ту же минуту незнакомец угрожающе занес дубину над головой и полным угрозы голосом предупредил:

– Еще шаг – зашибу!

Улан так и застыл на месте с поводком в руках в ожидании смертельного удара, а остальные уланы схватились за сабли.

– Вяжите его, живо, – выхватив пистолет, загремел офицер. – Ежели что, я пристрелю его немедленно!

Самохин робко огляделся. Увидев, что Никитин с шашкой наголо идет на мужика, облегченно вздохнул.

– Не дайте ему удрать! – целясь в незнакомца из пистолета, крикнул офицер. – Этот дезертир – человек опасный! Мы должны взять его с собой живым или мертвым!

Уланы пришпорили коней и направили их на бродягу: каждый попытался уколоть его своей саблей. Только офицер держался в стороне – ему было стыдно, что он побаивается этого грозного сумасшедшего, имевшего наглость назвать себя российским царем, давно умершим.

Но незнакомец не испугался нападавших на него со всех сторон улан. Он искусно владел увесистой дубиной и играючи отбивал сабельные удары всадников. Вскоре пара улан была выбита из седла, а остальные в замешательстве отступили.

– Этот мужик – сам сатана! – закричал кто-то из солдат и выхватил пистолет.

Но офицер выстрелил первым.

К удивлению всех, пуля не попала в цель. Ну а незнакомец отбросил дубину и, облизнув губы, хрипло сказал:

– Вот он я. Нате, вяжите!

* * *

Теперь судьба Емельяна Пугачева (а им и являлся незнакомец) зависела от того, как он поведет себя на допросах.

Отряд улан, возглавляемый поручиком Уваровым, расположился в деревеньке Терновка. Причина тому была уважительной: ожидали прихода полка, присоединившись к которому собирались отбыть на фронт. Страдая от вынужденного безделья, Уваров часто чинил Пугачеву допросы, пытаясь вывести дезертира на чистую воду.

Вечером поручик велел привести запертого в хлеву дезертира и, развалившись на лавке у печи, лениво дожидался.

Пугачева ввели в избу. Конвоир расположился у двери, держа оружие наготове, а Уваров встал, потянулся и посмотрел на арестованного. Тот упорствовал. Поручик начинал каждый раз все сначала. «Откуда драпаешь, мерзавец?» Ответ один: «Вы что-то путаете, ваше благородие».

– Остается узнать, откуда на тебе военный мундир, морда? – настаивал поручик.

– Снял с убитого, – твердил незнакомец. – Мундирчик ему уже ни к чему был.

– Почему тогда от меня в лес прятался?

Те же слова, что и раньше: «С разбойниками спутал».

– А почему с дубьем от солдат моих отбивался? Они же в форме государевой были? Молчание.

– Может, тебе жизнь опостылела? А?

– Ежели бы опостылела, то я бы не сдался, – выдавил из себя мужик.

– И все-таки как тебя зовут, бродяга?

Молчание.

Уваров пробовал завести разговор издалека. Может быть, есть еще какой-то способ развязать язык упрямому дезертиру. Пробовали бить – не помогает. Мужик замыкался, а побои сносил на удивление терпеливо.

Было уже далеко за полночь. По деревне горланили петухи. Поручик снял стекло и счистил нагар с фитиля лампы. Приведший арестанта солдат дремал на скамейке у двери.

– Слушай меня, мерзавец. Мы тебя кормим, лечим от раны, а ты молчишь, как сыч. Думаешь таким образом избежать наказания за дезертирство?

– Премного благодарен за заботушку, твое благородие, а говорить мне не о чем.

– Скажи хоть, для чего царским именем прикрываешься? Самозванца из тебя не получится. Рылом не вышел!

– Как знать, твое благородие, – ухмыльнулся дезертир. – Может, я и взаправду царь твой. Может, придет тот час, когда в ногах моих валяться будешь!

– Молчать, тварь! – заорал Уваров, с которого дерзкий ответ мужика согнал дремоту.

Он в замешательстве смотрел на пленника.

– Ты опять за свое, негодяй? Вот прикажу тебя повесить...

Дезертир поежился, враждебно нахмурил брови, но ничего не ответил.

– Ну? Почему снова царем себя называешь? Думаешь своей брехней заставить меня уверовать в твое сумасшествие?

Пленник немного подумал и сказал:

– Спать я хочу, твое благородие. Вели отвести меня в хлев, а то прямо здесь, в избе, на пол грохнусь.

Закончив фразу, дезертир закрыл глаза.

Все яснее становилось поручику, что мужик хитрит. Да и в плен он сдался для того, чтобы залечить рану на бедре. Уваров догадался, что дезертир поджидает подходящего момента для бегства. Но сбежать из деревни поручик ему не позволит.

– Значит, спать хочется?

– Да, умаялся я, однако.

– Тогда прощаюсь с тобой до утра, – многообещающе улыбнулся Уваров. – До сих пор я только спрашивал. Даже собирался отпустить тебя, если скажешь правду. Теперь хватит, довольно. Теперь буду говорить я. Ну-ка, открой-ка свои бельма лубошные.

Пленник приоткрыл глаза и тревожно посмотрел на поручика, словно спрашивая: «Ты оставишь меня в покое или нет?» Уваров взял в руки плетъ и показал ее дезертиру:

– Тебя будут пороть день и ночь, а раны посыпать солью! Если к утреннему допросу не развяжешь свой поганый язык...

Дезертир замер, глаза его сузились. Взгляд его был полон дикой ненависти. Руки начали сжиматься в кулаки, и, чтобы не выдать себя, он втянул их в рукава мундира.

– Что, боишься? – спросил Уваров, взяв трубку и набивая ее табаком. – Я слов на ветер не бросаю!

– Спокойной ночи, твое благородие, – ухмыльнулся пленник. – Ежели мы когда еще повстречаемся, я лично сверну твою хлипкую шейку.

– Уведите его! – закричал вскочившему улану поручик. – Заприте его покрепче и удвойте караул.

Как только дверь за ушедшими захлопнулась, Уваров прерывисто вздохнул и схватил бутылку с самогоном. Отпив почти половину содержимого, он поставил бутылку на стол и заорал:

– Прямо с утра лично сам забью тебя до смерти! Приятных снов, «ваше величество»!

* * *

Охрана пленника была поручена уланам Самохину и Никитину. Зная о крутом нраве и недюжинной силе дезертира, уланы крепче связали ему руки и ноги и, чтобы пленник никому не мешал, затащили его в амбар.

Утром поручик Пугачева на допрос не вызвал. Страдая от похмелья, он валялся в постели и «глушил» болезнь рассолом. Сторожившие мужика уланы отправились обедать. Самохин вспомнил, что связанного в амбаре дезертира нужно покормить. Он взял со стола краюху хлеба, кувшин с водой. Переступив порог амбара, солдат в испуге отшатнулся и выронил хлеб и кувшин, который разбился.

Крепкая фигура пленника маячила посреди амбара; веревки на его руках и ногах словно растаяли. Оправившись от испуга, Самохин рванулся вперед и схватил пленника за руку, чтобы тот не убежал.

– Как это ты развязался? – воскликнул улан.

Пленник посмотрел на него насмешливо прямо в глаза и тихо сказал:

– Не мешай мне бежать!

– Я не пущу тебя! Ты дезертир и мародер. Тебя повесят!

– Отойди.

Пленник легко, словно муху, стряхнул с себя незадачливого улана:

– Лучше не маячь на моей дороге, а то ненароком в одночасье хребтину перешибу!

– Да я...

– Не хочу грех на душу брать, служивый, – пленник ухмыльнулся, – до тебя еще турок доберется.

Он внимательно осмотрел Самохина:

– А вот одежкой с тобой надо махнуть. Твой мундирчик как раз мне впору придется!

Не успел улан опомниться, как оказался лежащим на ворохе соломы, а дезертир стаскивал с него мундир.

– Я сейчас закричу! – воскликнул улан.

Но его крик не испугал Пугачева. Он лишь ухмыльнулся и, продолжая свое дело, сказал:

– Хотел бы на помощь звать – уже позвал бы. Ежели кто сюда войдет ненароком, враз сверну башку тебе, как куренку. Так что не гневи государя своего понапрасну и не толкай его на смертоубийство своего подданного!

– Разве ты и правда царь? – спросил удивленный Самохин, глубоко переводя дыхание.

– А ты думал!

– А господин поручик говорил, что ты умом тронутый дезертир!

– Ты его больше слушай.

– Тогда почему ты не в столице с царицей, а лешаком по земле бродишь?

– Долго об том сказывать. Как-нибудь в другой раз!

Улан был поражен настолько, что прекратил сопротивление и позволил незнакомцу быстро раздеть себя. Широко раскрыв глаза, он смотрел, как бывший пленник грязного хлева натягивает на себя новенький мундир.

– Ты... – прошептал Самохин.

– Царь я, Петр Федорович Третий, – ответил, примеряя ремень, незнакомец. – Я тот человек, который желает покарать жинку свою, Катьку-паскудницу, за все ее злодеяния и волю народу дать. Волюшку всему народу расейскому!

Улан вскочил и протянул Пугачеву руку.

– Не сердись, государь, – сказал он смущенно. – Знал бы я, кто ты есть, глядишь, и разговаривал бы по-другому. Я же тебя считал бродягой и сумасшедшим.

– Ничего, как-нибудь переживем, – сказал мужик, горько усмехнувшись. – Когда меня стерва Катька с престола скovyрнула, я много по свету странствовал и не такого про себя слышал. А сейчас давай-ка я тебя веревками стяну, чтоб от поручика меньше досталось.

Незнакомец быстро и ловко связал ноги и руки Самохина и, прежде чем уйти, спросил:

– Кони где?

– На соседнем подворье, – ответил улан.

– Под присмотром?

– Ага, но караульный Матвей сейчас обедает.

– Пускай себе трапезничает.

На пороге незнакомец обернулся и сказал:

– Передай его благородию, что государь, мол, кланяться велел. Еще передай, что пушай на войне смерти себе ищет. Это для него гораздо лучше будет, нежели со мной опосля баталий встретиться!

6

Устроители Оренбургского края, начиная с Ивана Ивановича Неплюева, в деятельности своей следовали завету Петра Великого: «Свободная торговля и искусное рукоделие составляют изобилие и силу Государства». Неплюев серьезно занимался развитием торговли и промышленности Оренбургской губернии: «...обратил я мое внимание на приманивание к торговле купцов из России, также и азиатов... С 1745 года знатный торг в Оренбурге возымел начало!»

С осени 1743 года Оренбург стал центром меновой торговли с киргизами Малой орды, хивинцами, бухарцами, кокандцами, с персидскими и индийскими купцами. В центре города был устроен Гостиный двор со ста пятьюдесятью лавками, а за городом, за Уралом, на Бухарской стороне – Меновой двор. Неплюев обратился к русским купцам с приглашением торговать в новопостроенном Оренбурге. На приглашение прибыл из Ростова купец Дюков со своей рыбной торговлей, из Симбирска – купец Иван Твердышев, открывший в Оренбурге кабак и торговавший вином. Очень быстро Твердышев отошел от винной торговли и стал владельцем многочисленных железоделательных и медеплавильных заводов Урала.

2 июня 1752 года Коммерц-коллегия издала Указ, которым повелевалось: «Торг в Оренбурге признать ярмаркой и дозволить русским и азиатским купцам продавать и покупать товары оптом и в розницу с платежом пошлин по тарифу...»

Во избежание коммерческой недобросовестности был установлен контроль: каждый купец до начала и под конец торга представлял свои товары на таможенную, где делалась им опись и накладывались клейма, которые, во избежание подлога со стороны торговцев, ежегодно менялись.

Таможенным начальникам вменялось в обязанность удерживать от мотовства и пьянства приказчиков и купеческих сынков, а при необходимости применять наказание.

Но отцовские капиталы проматывались с шиком. У молодых богатых кайсаков разгорались глаза, когда они, приезжая на Меновой двор, видели изобилие мехов. Из Башкирии привозили бобров, белок, волчьи и медвежьи шкуры, выдр, горностаев, ласок, шкуры зайцев, куниц, росомах. Из киргизских степей доставляли шкурки сурков, сусликов, корсаков и бабров (бабр – тигр, обитавший в основном в зарослях камыша). С Волги везли выхухолей. Все это великолепие можно было покупать как поштучно, так и возами. Цены тоже радовали глаз: бабры продавались от 5 до 13 рублей за штуку, выдры – по 1 рубль 20 копеек, бобры – по 1–1,5 рубля, корсаки – по 40 копеек, куницы – по 50 копеек, лисицы – по 80 копеек, а норки – по 13 копеек, горностаи – от 12 до 15 копеек. Шкуры волка шли от 60 копеек до 1 рубля 20 копеек, медвежьи шкуры – от 80 копеек до 1,5 рубля...

Степные франты от этого изобилия порой переставали соображать: какую шкуру выбрать на широкие шаровары, такие широкие, что взрослый человек свободно мог поместиться в каждой штанине. Какой мех нынче будет в моде – гладкий или пушистый? Покуда отцы-толстосумы покупали быков от 2 до 4 рублей за штуку, козлов – от 30 до 60 копеек, баранов по 70 копеек, сынки втихаря тратили денежки на бархат, сукно, парчу, шелковые ткани, ленты, тесьму, зеркала, румяна, белила, бисер, браслеты и серьги из золота и серебра. Особым шиком считались у молодых степняков серьги величиной с кулак. С должным старанием украшались и лошади: на ноги надевались браслеты, в уши – серьги, хвост и грива унизывались бусами и украшались филиновыми перьями, которые предохраняли от дурного глаза.

Капризные богатенькие щеголи должны были вести себя прилично в аулах влиятельных султанов и богатых кайсаков, иначе бы им не поздоровилось. Не делались исключения и для распущенных сынков русских купцов. Наказывали строго по Указу Петра Первого от 5 апреля 1709 года: «Нами замечено, что на невской перспективе и на ассамблеях недоросли отцов именитых, в нарушение этикету и регламенту штиля, в гишпанских камзолах и панталонах с мишурой щеголяют предерзко. Господину полицмейстеру С. – Петербурха указываю впредь оных щеголей с рвением вылавливать и сводить в Литейную часть и бить кнутом изрядно, пока от гишпанских панталон зело похабный вид не окажется. На звание и внешность не взирать, а также и на вопли наказуемого...» Естественно, в оренбургских степях этот указ получил индивидуальное объяснение.

* * *

Ярмарка в Сакмарском городке, конечно же, уступала по размерам Оренбургской. На небольшой площади у церкви, в центре городка, теснились низенькие дощатые лавчонки, где торговцы продавали за гроши масло, молоко, хлеб, а также сальные свечи и прочие мелочные товары для будничных потребностей.

Погожим выдался апрельский воскресный день. В небе, словно диковинные птицы из неведомых краев, реяли румяные облачка. Из всех улиц и переулков стекались казаки к церкви.

Авдей и Груня Барсуковы, сопровождаемые Лукой и младшим сыном, Макарой, поднялись по каменным ступеням и вошли в большой ярко освещенный притвор: церковь уже была заполнена народом. На позолоченном иконостасе горели свечи.

Над головами сакмарцев, в высоком куполе церкви, облаками двигались волны ладана.

Входящие в церковь набожно крестились и протискивались сквозь толпу молящихся за свечами.

Около правой стены церкви молился атаман Данила Донской. Полный, багрово-красный, в кителе, увешанном медалями. Среди просто одетых казаков атаман был само величие. Не утратившие суровости даже в церкви его глаза под сросшимися черными бровями словно прожигали насквозь каждого, кто входил в церковь или проходил мимо.

Тягостное душевное состояние Луки в церкви прошло: кругом все было торжественно, празднично и спокойно. Выходя из церкви по окончании службы, юноша увидел кузнеца. Тот поманил его пальцем.

Архип вывел Луку из толпы и, склонившись к уху, прошептал:

– Там, на площадь, цыгане всем табором пожаловали.

– И много их? – насторожился юноша.

– Как грязи в распутицу, – ответил Архип. – Видать, табор числом немалый.

– А Ляля? – забеспокоился Лука.

– Она у Мариулы. Я уже послал к старухе Ерошку Бочкарева, чтоб упредил...

Цыгане на площади были настроены решительно. Похоже, что они действительно пришли все – от мала до велика. Пылкие, горячие люди, они были готовы отстоять свое даже ценой собственной жизни.

Во главе толпы на легкой бричке восседал глава табора – спокойный, внимательный. Его черная с проседью борода словно выточена из камня; руки лежали на коленях. Рядом с ним стоял молодой цыган – неистовый, дерзкий. Глаза его беспокойно бегали по выходящим из церкви людям, словно отыскивая кого-то. Он – как заряженная пушка, готовая каждую минуту выстрелить.

Увидев спускавшегося по ступенькам атамана, вожак резво спрыгнул с брички и поспешил к нему навстречу. Молодой цыган двинулся следом. Остановившись перед Донским, вожак сорвал с головы шапку и, улынувшись, сказал:

– Доброго здравия тебе желаю, атаман!

Тот недоуменно посмотрел на преградившего ему дорогу барона и, нахмурившись, спросил:

– Чего тебе надо?

Цыган невольно поежился. Он не ожидал такого недружелюбного вопроса. Но, быстро справившись с собой, сказал:

– С жалобой я пришел к тебе, атаман.

– С жалобой?

Донской мгновенно напрягся и посмотрел на цыгана с плохо скрываемой враждебностью:

– И на кого же жаловаться изволишь?

– На казаков твоих, – не дрогнув, ответил вожак.

– Что ж, жалуйся. – Атаман подбоченился и, не замечая сотен любопытных глаз, одарил цыгана брезгливым взглядом.

– Они девку Лялю из табора умыкнули, – продолжил вожак. – А она невеста моего племянника Вайды!

– Кто умыкнул, знаешь? – нахмурился Донской.

– Я это, – вступил в разговор кузнец, подходя к атаману и закатывая на ходу рукава рубахи.

– Что, шибко приглянулась? – вдруг улынулся атаман.

– Красива, слов нет, – улынулся и Архип. – Только вот не крал я ее. Девка сама из табора ушла!

– Тогда ты здесь при чем?

– Ко мне за защитой пришла.

Кузнец с усмешкой оглядел притихшую толпу цыган и остановил взгляд на едва дышавшем от злобы Вайде:

– За этого пентюха выходить не хотела, вот и утекла к нам.

Издав горлом рык, молодой цыган выхватил из-за голенища сапога нож и бросился на Архипа. Но вожак быстро ухватил его за руку и удержал на месте.

– Верните девку, атаман! Наш закон...

Вожак с надеждой посмотрел на Донского, но снова натолкнулся на каменное, непроницаемое лицо.

– Ты тут про свои законы не талдычь! – заорал Архип, которого глубоко задела наглая выходка цыгана Вайды. – Я не хуже вас о них знаю. Здесь другие законы, государственные...

– Прав казак, – не задумываясь, поддержал кузнеца атаман и покосился на вожака. – А теперь прочь с дороги!

В ответ на это толпа цыган загудела, как растревоженный улей, и грозно двинулась на атамана. В руках мужчин блеснули ножи, а в руках женщин и детей появились различные предметы, которые они собирались пустить в ход вместо оружия.

– Казаки, да что ж это такое вытворяется? – прозвучал из толпы сакмарцев громкий мужской голос. – Цыгане к нам в дом, не спросясь, пожаловали да еще на атамана, как псы, кидаются?

– Ядрена вошь, – следом загремел еще один возмущенный голос. – Казаки, а ну покажем этим собакам, почем фунт лиха в нашем Сакмарске!

Казаки неистово заревели и лавиной устремились на опешивших цыган, бранясь, сыпя проклятия и присвистывая. Никто даже не попытался сдержать их бешеный натиск. В мгновение ока цыгане были отброшены, подобно тому, как отбрасывает быстрая река сухую ветку.

Точно одержимые бесом, сакмарцы колошматили цыган без разбору. Вдруг кто-то взвизгнул. Люди невольно остановились.

Это был перепачканный своей и чужой кровью цыган Вайда: в его руке блестел нож.

– Не подходите ко мне, дайте сказать! – воскликнул он, сверкая глазами.

– Обожди, казаки! – прогремел Архип и шагнул к цыгану.

Гул толпы моментально затих.

– Позор тебе, верблюд одногорбый! – закричал Вайда, презрительно усмехаясь окровавленным ртом. – Девушек красть ты умеешь, а выступить против мужчины у тебя духу не хватает. И этакий трус смеет думать о моей Ляле? Жаль, что она сейчас не видит, как у тебя от страха трясутся все поджилки. Если бы она это видела, ей бы не пришло в голову искать у тебя защиты от меня. Она исхлестала бы тебя плетью и ушла, чтобы не видеть твою глупую рожу.

Это было уже слишком. Толпа казаков застонала от ярости. Цыган замолчал, а Архип побледнел. Кузнец готов был выхватить саблю, но ее под рукой не оказалось. Атаман схватил Архипа за плечо. Кузнеца оскорбили прилюдно. Значит, и казаков всех этот бродяга оскорбил!

– Ну, сейчас я вам...

– Тихо! – вдруг раздался голос, пронзивший каждого в сердце; дрожащий, мертвенно-бледный, в центре расступившейся толпы стоял Архип; глаза его горели, он махнул рукой так, словно рубанул саблей. – Тихо, говорю я!

Дождавшись тишины, кузнец вытянул руку вперед и указал пальцем на притихшего цыгана:

– Живым ты отсюда нынче не уйдешь.

Эти слова были брошены так жестко и громко, что табор пришел в движение. Растеряв свой боевой настрой, уже изрядно побитые цыгане вначале попятились с площади, а затем побежали к берегу реки, где оставили коней и повозки. Они хотели как можно быстрее уйти из Сакмарского городка.

– Я отомщу тебе, верблюд, – взвизгнул молодой цыган и проворно запрыгнул в бричку, которую разворачивал, дергая за вожжи, перепуганный барон.

– Твою мать, ты, козел безрогий, белены облопался?! – взревел атаман.

Его серые глаза блеснули сталью, тяжелый подбородок угрожающе выпятился.

– Чтоб ты... – захрипел он.

Налившееся кровью лицо, взбешенные, как у вздыбившегося жеребца, глаза атамана сделались страшны. С перекошенным от злобы лицом, хрипя, он выхватил у стоявшего рядом казака саблю.

– Данила, остепенись! – взвизгнула рядом его жена Степанида.

Но разъяренный Донской взмахнул клинком над головой, как топором, и двинулся к бричке.

Толпа ахнула и шарахнулась в сторону, освобождая ему дорогу.

– Как пить дать изрубит, – слышалось вокруг.

– И изрубит... Пущай не доводят, воронье треклятое.

Донской опустил саблю не на жоака, потерявшего от ужаса способность управлять конем, и не на закрывшегося руками Вайду. Атаман разрубил надвое крыло брички.

Казалось, сам сатана вселился в казака. Он рубил колеса, спинку, бархатные сиденья, и с такой силой, что щепки и клочья летели во все стороны.

– Так вот! Так вот! – после каждого удара тяжело выкрикивал Донской.

Шарахнувшаяся было толпа сомкнулась вновь. На глазах у казаков минуту назад блестящая лаком бричка превратилась в груд дров.

Пришедший в себя вожак вскочил на коня и, громыхая обрубками оглоблей, прикрепленных к упряжке, поспешил к лесу. Он пришпоривал бока бедного животного так яростно, словно хотел его заставить не бежать, а лететь по воздуху.

Цыган Вайда бежал следом, неестественно подпрыгивая.

Народ на площади хохотал и улюлюкал им вслед. А Архип наблюдал за атаманом. По мертвенно-бледному его лицу, по вздувшейся на лбу жилке кузнец видел, и каким страшным гневом охвачен Донской, и каких пределов достигла в нем клокочущая, бурлящая злоба. Архипа удивляло, что никто из казаков не удерживает буйствующего атамана, а напротив, все любят его.

Над площадью раздался крик Степаниды:

– Данилушка, родной, айда до избы!

Атаман обернулся, увидел заламывающую руки супругу, бросил саблю и, покачиваясь как пьяный, пошел сквозь толпу.

С громкими разговорами начали расходиться и казаки.

К стоявшему у изрубленной брички кузнецу подошел Лука. Он осторожно тронул Архипа за руку и спросил:

– Ты сейчас куда? В кузню?

– Нет, – выдохнул приходящий в себя Архип. – Пойду Мариулу и Лялю проведу. А ты?

– Я до избы. Батяка опять об чем-то обспросить меня хотит.

Они разошлись, каждый думая о своем.

7

Кузнец Архип Санков шел к Мариуле. Он и сам не знал, почему его неотвратимо влечет к старой женщине. Все жители городка знали Мариулу и немного побаивались.

Что и говорить, Мариула была странной. Чуть полноватая, лицо удлиненное, но не обезображенное морщинами. Зубы ровные и крепкие, как у молодой женщины. Глаза излучали неутомимую энергию. Мариула читала книги, не прибегая к помощи очков. Да их и не было в ее доме. Увидев, как Мариула в ярком платке выходит на улицу, каждый думал: «Не иначе старуха с нечистым знакома, и тот продлевает ей молодость».

Но душа Мариулы, напротив, была всецело обращена к Богу, и в сердце своем она не таила коварства. Передний угол ее избы украшало множество икон, а перед образами постоянно теплилась медная лампадка. Мариула большую часть суток проводила в своем доме, но не предавалась праздному безделью. Она лечила людей. А так слуги нечистого не поступают!

Прозвище Ведунья она получила по причине того, что во всем городке не было никого, кто умел бы исцелять почти безнадежно больных и, гадая на картах Таро, давать поразительно точные предсказания. Поэтому изба Мариулы всегда была полна гостей.

Уже пять лет как Мариула овдовела. Покойный муж ее был казак храбрый. И умер от ран, правда, не на поле боя, а на руках у своей любимой жены.

Люди не помнили ее молодой, не замечали, что она стареет. Сакмарцы были уверены, что Мариула не бедна, и в большом сундуке, который стоит в ее доме, хранятся сказочные богатства. Мариула никогда не открывала его в присутствии посторонних. А потому никто не знал в городке, что в сундуке кроме лекарственных снадобий хранятся личные вещи женщины, которыми она очень дорожила.

Думая не о себе, а о людях, Мариула ревностно трудилась ради них и была счастлива. И неудивительно, что весь городок ее любил, со всеми она была добра и гостеприимна!..

Кузнец подошел к воротам, толкнул калитку, но она даже не пошатнулась.

«Видно, заперта внутри на засов», – подумал Архип и постучал. Никто не отзывался.

Он еще раз постучал, громко ударяя ввинченным в калитку железным кольцом. «От цыган заперлись», – догадался кузнец.

Архип надвинул поглубже шапку, не зная, что ему делать, как вдруг со двора послышался сердитый голос:

– Кого еще черт принес?

– Открой, я это, – поспешно ответил он.

– Кто «я»?

– Да кузнец... Архип я!

Скрипнул засов. Внук Мариулы стоял перед кузнецом с ружьем в руках.

– Извиняй, Архип, не узнал я тебя.

– Ничего, – улыбнулся Санков. – Мне бы к бабуле.

– Айда входи, Архип, – сказал юноша, впуская казака во двор.

Мариула встретила его, как всегда, ласково:

– Архипушка, касатик, ты это?

– Кто ж еще, – улыбнулся кузнец.

– Конечно, чайку горяченького и покрепче?

– Ежели не жалко, – рассмеялся Архип.

Но смех прозвучал устало. Мариула это заметила, но виду не подавала.

– Проходи, коли пришел!

Теперь кузнец хохотал веселее.

Мариула указала на пустующий табурет у стола и сказала:

– Сидай, казаче. Сейчас уже и самовар поспеет.

– А где Ляля? – забеспокоился Архип, не видя девушки в избе.

– Здесь она, где ж еще? – успокоила его Мариула. – Измаялась вся, издергалась. Я ей настой сонный дала и за печку спать уложила.

Проговорив все это, старуха вышла в сени. Дверь скрипнула, и Мариула внесла подносы с ватрушками и вазочками с медом и сахаром:

– Ты, наверное, проголодался, Архипушка? Вот сечас и покушаем, а заодно и про цыган поболтаем.

– Ты что, уже про цыган наслышана? – удивился Архип.

Мариула пожала плечами. Казак понял, что она знает обо всем, что случилось на площади.

Ведунья налила чаю и придвинула чашку гостю.

Окунув в вазочку с медом кусочек шаньги, Мариула хитро улыбнулась:

– Так им и надо. Пусть у себя порядок наводят, а не шастают где ни попадя!

Архип согласно кивнул. Чай был горячий, и он пил из блюдечка, усердно дуя в него.

– Тому рада, что в грязь лицом не ударили казачки. – Мариула бросила полный торжества взгляд на окно и улыбнулась: – А я уже, грешным делом, думать начала, что изнежились, измельчали казаки-то наши!

Кузнец допил чай. В голове бушевали события, произошедшие на площади у церкви. Как только он собрался рассказать о случившемся, дверь распахнулась и в комнату вбежала молодая казачка Лиза Бочкарева с сынишкой на руках.

Малыш беспомощно висел на материнской шее. Лиза плача рассказала, что с вечера мальчишка жаловался на боль в голове. А сегодня ни с того ни с сего у него жар и рвота.

– Клади мальчонку-то, – распорядилась Мариула, указав на кровать.

Она тронула его лоб и нахмурилась. Из-за печки ведунья принесла два металлических прута. Недолго помолчав, она обратилась к прутам, словно к людям:

– Ну что, железячки, поработаем?

Архип не поверил своим глазам, увидев, как пруты сначала концами повернулись к Мариуле, а потом снова приняли первоначальное положение.

– Это сглаз? Порча? – подавляя рыдания, зашептала несчастная Лиза.

– Застудился он, – не оборачиваясь, ответила Мариула.

Снова концы прутиков развернулись к ведунье.

– Господи, неужто все взаправду, или мне чудится? – не веря собственным глазам, прошептал кузнец. – А может, она сама те железяки двигает?

Мариула спокойно зажгла свечу, положила на лоб мальчика платочек, смоченный водой, и начала читать молитву:

«Господи Боже, Матушка Пресвятая Богородица...»

Взгляд Архипа упал на стол. Он увидел церковные свечи, икону Богородицы, распятие, сковородку с какой-то травой, колокольчик... И когда только Мариула успела поставить все это?

Он вздрогнул от громкого голоса ведуньи:

– Изыди, злой дух, полный кривды и беззакония!.. Верни отроку Божьему его здоровье.

Из соседней комнаты, как по зову, прибежали кошки – черная и белая. Усевшись у изголовья, они внимательно следили за хозяйкой. Голос Мариулы заставил, в свою очередь, завывать собаку во дворе, а ту поддержали псы со всего городка!

Архипу стало страшно. Он словно прилип к стулу.

Мариула, не прекращая читать наговоры и молитвы, водила над мальчуганом то распятием, то свечой.

Сколько это длилось – десять минут? Полчаса? Кузнецу показалось – вечность. Но вот Мариула закончила ритуал, приговаривая, что не она лечила, а сама Матерь Пресвятая Богородица. Мальчик открыл глаза, сел на постели и попросил пить. Мариула дала ему приятно пахнувший настой из чугунка, в котором мочила платочек. Тело мальчика покрыла испарина, а это признак того, что жар отступил.

– Когда мальчонку кто-то расхваливает, оближи его правую ручку-то и сплюнь на землю три раза, – посоветовала Лизе на прощание Мариула.

Как только казачка ушла, Мариула быстро убрала со стола все предметы и, хитро прищурившись, улыбнулась кузнецу:

– Что, впервой видеть довелось?

– Ага, – кивнул тот.

– Это еще так, мелочи. Нечистый так просто отступил. А бывает такое...

Они снова сидели за столом напротив друг друга, пили чай, беседовали. Архип рассказал Мариуле о дневной стычке казаков с цыганами, а она немного о себе.

Оказывается, Мариула – потомственная ведунья. Ее мать разорвали в лесу волки, но она успела передать спасшейся на дереве дочке свою чудодейственную силу. Вот так всю свою жизнь она и помогает людям. Но больше всего нравилось Мариуле гадать на картах и собирать травы.

Постепенно их разговор перешел на Луку и Лялю. Вернее, на ожидавшую их судьбу.

– Меня шибко беспокоит Лука, – первым задел волнующую его тему кузнец.

Мариула подняла голову, посмотрела на него лучистыми молодыми глазами.

– И каким боком он тебя беспокоит?

– Любит он Лялю, а дома, должно быть, понимания в том не находит, – с горечью высказался Архип.

– Но она его не любит. Пустое все это!

– Что «пустое»? – не поняв, насторожился кузнец.

– Не быть им вместе никогда...

Не договорив, Мариула замолчала. По ее озабоченному лицу было видно, что ей неприятен этот разговор.

– Мариула, обскажи мне, что их ждет, – спросил Архип. – Люб мне Лука. Хочу вот, чтоб у него все хорошо было!

Ведунья изменилась в лице, а кузнец тут же пожалел о сказанном. Старуха молчала. Архип сожалел, что чем-то досадил Мариуле.

– Не взыщи, коли сболтнул что лишнее, – сказал он. – Пойду я, пожалуй, а то засиделся, гляжу.

Поклонившись, он шагнул к двери.

– Куда же ты идешь, голубь? Давай уж обговорим то, про что начали!

Кузнец остановился, повернулся, и такая боль была в его глазах, что Мариула ободряюще улыбнулась:

– Про Луку знаю все, но обсказать не могу. Жестокая судьбинушка ожидает казака. Язык не поворачивается говорить сее.

– А Ляля? – спросил Архип, поймав себя на том, что участь девушки волнует его не меньше судьбы Луки.

– Ее судьбина тоже не из легких будет, – вздохнула Мариула. – Но она сама о том знает.

– Неужто все так плохо? – заволновался кузнец.

Прежде чем ответить, ведунья бросила настороженный взгляд на печь, за которой спала девушка, и перешла на шепот:

– Лука – человек темный, но покуда и сам об том не ведает. Уже скоро он...

Мариула замолчала, и Архип понял, что продолжения фразы ждать не следует.

– А как же Ляля? – скрипнув досадливо зубами, выдохнул он.

– Она тоже долго в девках не засидится. Мужа у нее никогда не будет. Но родится дочь!

– И кто девочкин отец? Уж не Лука ли?

– Не он, а ты!

Ответ прозвучал так неожиданно, что кузнец вздрогнул. Он посмотрел на опустившую глаза Мариулу, затем увидел стройную фигурку Ляли, которая, скрестив на груди руки, с вызовом смотрела на него.

– Ляля истину сказала, – подтвердила Мариула. – От тебя она дитя приживет!

– Да я ж... – Архип осекся и замолчал. Лицо его сморщилось, как от боли. Если бы прямо сейчас Ляля оседлала ступу и облетела на ней городок, кузнец был бы поражен меньше, чем после такого известия. Он онемел, вспотел и почувствовал себя не сидящим на табурете, а пригвожденным к нему.

– Дык я ж...

– Это вам обоим на роду написано, – подводя черту, сказала Мариула. – И что-то изменить или поправить не сможете ни она, ни ты!

8

Неделю спустя после описанных событий к дочке, сидевшей на скамейке у дома, подошла Анисья.

– Дорогая моя доченька, – оказала она, погладив голову грустной Авдотьи, – выслушай меня. Мне надо б поговорить с тобой, и поговорить очень душевно. Ты добра и послушна и, я надеюсь, покоришься родительской воле.

– Говорите, мама, – ответила тихо девушка, разглаживая складки своего платья.

Анисья продолжила:

- Отец сказывал, что Барсуковы тебя засватать хотят.
- Знаю я об этом, – пряча лицо, сказала Авдотья.

Анисья замолчала. Девушка вдруг разразилась рыданиями. Словно не обратив на это внимания, мать продолжила:

- Заневестились ты, доченька. Видать, срок твой бабий подошел.
- Страшно мне, мама, – Авдотья продолжала рыдать.

Анисья крепко обняла старшую дочь. Смуглая, с выющимися русыми волосами, большими голубыми глазами, Авдотья была необыкновенно красива. Девушка была веселой и общительной, к тому же работающей, пела грустные казачьи песни так, что волновалось сердце, а танцевала...

– Доченька, как ты похожа на меня в молодости! Может, поэтому и потянулся к тебе Лука-то.

– Да, мама. Хорош он и добр. Только вот чует сердце, что не на радость, а на горе его ко мне Господь посылает!

– Почему мыслишь эдак непотребно? – удивилась Анисья. – Ежели не любишь, так полюбишь.

– Никогда! – простонала девушка.

– Что «никогда»? – удивилась мать.

– Никогда не полюблю. Потому что уже люблю его!

– Вот и ладненько. – Анисья прижала дочь к своей груди. – А казак он видный опосля будет. Хваткий, красивый. Такой своего не упустит!

– Что ты от меня хочешь, мама? – Девушка широко открыла глаза.

– Чтоб ты смирилась с волей родительской, ежели не согласная с чем, – поспешила с ответом Анисья. – Сватов бы не обидеть, чтоб перед народом не осрамиться.

– В толк не возьму?

– Знай, что ты должна выйти за Луку Барсукова и вести себя на сватовстве должным образом.

С поникшей головой, тяжело дыша и не говоря ни слова, Авдотья сидела, прижавшись к матери.

– Ну, так что отцу-то передать, доченька?

– Передай, что согласная я подчиниться воле вашей. Но замуж за Луку не хочу!

Поцеловав дочь, Анисья ушла в избу. Оставшись наедине со своими печальными мыслями, девушка только и успела подумать про Луку, как на скамейку присела сгорающая от любопытства сестра Марья. Месяц назад ей исполнилось семнадцать, и она уже была вполне сложившейся красивой девушкой.

– Слышишь, сестра, – сказала Марья, – ты чего кобенишься?

– Тебе-то что, – огрызнулась Авдотья. – Не тебе под венец идти, вот и радуйся!

– Да будя тебе, соглашайся, – глянув на дверь, горячо зашептала Марья. – Лука красивый. Да я бы на твоём месте...

– Господи, как плохо, что ты не на моем месте! – воскликнула Авдотья.

Она схватилась за сердце. Потупив взор, Авдотья закачала головой и, всплеснув руками, разразилась громким отчаянным плачем:

– Да, да, да! Вы мне разбили сердце, нате, вот оно, растопчите его! Я выйду за Луку, выйду! А ежели бы я отказала? Кто б меня слушать-то стал?

Марья обняла несчастную сестру, и они уже рыдали в два голоса.

– Маруська, не говори мне больше о Луке. Иначе я с ума сойду, – зашептала Авдотья. – Айда лучше к реке сходим. Там я хоть вздохну чуток спокойней.

Сестры спустились к Сакмаре. Сквозь слезы, вздохи и причитания Авдотья излила душу Марье. Девушки дошли до берега быстроводной реки и присели на ствол поваленного разливом дерева. Глубоко вздохнув, Авдотья взяла за руку сестру и сказала:

– Люблю я его, Маруся, а вот замуж за него идти боюсь. Чует душа недоброе... Ох как чует!

Марья поцеловала мокрую от слез щечку сестры и сказала:

– Не рви душу себе. Супротив воли родителей не пойдешь. Хорошо хоть любишь его. Могли ведь и за кого другого отдать! А хочешь не хочешь, слушать тебя все одно никто не будет.

– Что это?

Авдотья вдруг насторожилась. Ей послышался конский топот в лесу.

– Айда до дому, Авдотья, – встревоженно сказала Марья. – Вдруг степняки скачут?

– Гляди, – прошептала Авдотья, – трое верховых. Это не кочевники, а цыгане!

Уходить было поздно: мимо спешившихся цыган проскользнуть незамеченными было невозможно. Девушки едва успели юркнуть под ближайший куст, как цыгане вышли на берег.

– Двое мужчин и женщина, – прошептала сестре Марья, разглядывая пришельцев сквозь листву ракиты.

Цыгане привязали к дереву коней, а сами расположились на том же бревне, на котором сидели сестры.

– Слава Господу! – дрожащим голосом проговорила цыганка. – Здесь никого нет.

Авдотья закусила губу, а Марья вздрогнула. Как громом пораженная, она широко раскрыла глаза. Кровь бросилась ей в лицо.

– Так что же с вами случилось в городке? – певуче спросила по-русски женщина.

– А то ты не знаешь, Серафима! – воскликнул молодой цыган. – Поди, тебе все уши уже про это прожужжали!

– Не горячись, Вайда! – перебил его пожилой мужчина, в левом ухе которого было большое золотое кольцо. – Раз Серафима от нас услышать хочет, знать, надо рассказать!

Он укоризненно покачал седеющей головой и схватился за бороду, словно собираясь оторвать ее.

– Что же это творится, ромалы?!

Вскрик парня повис в тишине.

– А меня... а меня, – зло заговорил Вайда, – чуть до смерти не забили казаки проклятые! Отвисшие губы его дрожали. Старый цыган протянул ему кисет с табаком:

– Раскури-ка трубочку, племянник, и успокойся...

Вайда вынул из-за пояса трубку и набил ее табаком.

– Что будет с нами? – прозвучал мелодичный голос цыганки. – Говорила вам – не ходите в городок к казакам.

– Уходить надо, – раскуривая трубку, высказался мужчина. – Думали договориться, а видишь, как вышло? Наломали дров и еле ноги унесли.

Слова цыгана шли совсем не от трусости. Сидевшие с ним люди всегда знали, что кочевая жизнь таит в себе опасность. Теперь она угрожала их табору.

– И Лялю не вернули, и сами еле ноги унесли, – вздохнула Серафима. – Я же упреждала тебя, Вайда, что не твоя Ляля. Ваши дорожки разные! Ладно, казаки след за вами в табор не нагрянули. Все бы разнесли в пух и прах, головы отчаянные.

Молодой цыган нервничал, теребил дымящуюся в руках трубку, тер мундштук пальцами, но не курил. Он был уже не тем удалым Вайдой, который всячески демонстрировал перед табором чудеса храбрости. Куда подевались его бравый вид, его показное бесстрашие... Вспыльчивый, как сухая трава, Вайда и сторал, кажется, так же быстро.

Невозмутимо и спокойно выглядел вожак табора. Он глубоко затянулся табачным дымом и произнес:

– Если казаки за нами в табор не пожаловали, знать, и не пожалуют вовсе. Однако обид они не прощают! Знать, надо не испытывать судьбу с ними рядом, а уходить!

– Верно говоришь, Азар, – поддержала его Серафима. – Казак что медведь. Пока его не расшевелишь – не трогает! А Ляльку нам все одно не вернуть. Судьба ее далека от нашего табора.

Вайда провел рукой по побледневшему лицу и, едва сдерживая клокотавшую внутри злобу, сказал:

– Я не согласен с вами.

– Что ж, скажи с чем? – посмотрела на него Серафима. – Может, еще раз хочешь испытать терпенье казаков сакмарских? Поверь на слово, небезгранично оно!

Сжав губы так, что складки обозначились по углам рта, Вайда долго молчал. Казалось, он следит за полетом назойливого овода, кружащегося над их головами. Затем медленно заговорил, словно подводя итог своим рассуждениям:

– Вы уходите, а я остаюсь.

– Ты хорошо подумал? – спокойно спросил Азар, на лице которого не дрогнул ни один мускул.

– Да, я подумал хорошо, – настырно повторил молодой цыган. – Убью Ляльку и того, к кому она сбежала, а потом вас догоню!

Лицо Серафимы побледнело, глаза сузились. Тихим, но твердым голосом она произнесла:

– Тронешь Лялю – пожалеешь!

– Что-о-о? – удивился Вайда.

– Пожалеешь! – уже громче повторила цыганка.

– Кто?! Я?! – возмущенный цыган даже вскочил с места. – Да я и тебя зарежу, если только посмеешь встать между мной и ими!

– Тронешь Лялю – прокляну. – Серафима встала и посмотрела Вайде прямо в глаза. – Прокляну тебя и весь твой род до седьмого колена!

Цыган, выпучив глаза и вскинув голову, выхватил из-за пояса нож:

– Не успеешь, проклятая колдунья! Я прямо сейчас перережу твое горло!

Но стоявшая перед ним цыганка не испугалась:

– А я не буду тебя проклинять, соколик, – с улыбкой сказала она. – Ты все равно не убьешь Лялю.

– Это почему? – забыв про злость, удивился молодой цыган.

– А я уже вижу тебя у ее ног мертвым!

Серафима сняла с плеч платок и повязала его на голову. Затем еще раз взглянула в глаза остолебеневшего Вайды:

– Подохнешь в страшных муках, гордец! Я вижу, как огромные клыки страшного зверя рвут твою плоть на части!

Сидевший все это время молча вожак табора кряхтя поднялся на ноги:

– Каждому в этом мире свое. Кто хочет остаться здесь, пусть остается. А я уведу табор подальше от этих мест! Слава богу, дорог на свете много!

Больше не говоря ни слова, цыгане вскочили на коней, и вскоре стук копыт поглотился лесом. А сестры Комлевы еще долго сидели в своем убежище, боясь пошевелиться: так удручающе действовали на них дерзкие выкрики молодого цыгана.

Первой пришла в себя Авдотья. Она тихо ткнула локтем в бок сестру и прошептала:

– Айда бегом до избы, Марья.

– Айда, – встрепенувшись, засуетилась девушка.

– Родителям покуда ничего не обскажем, – предупредила ее Авдотья.

– Почему? – удивилась сестра.
– Покуда и сама не знаю. Но, думаю, что не надо их зазря тревожить! Батюшка узнает, что одни на берег реки ходили, заругает!

9

На окраине городка, недалеко от крепости, стоит небольшой дом – бревенчатый, с дощатой, крытой камышом крышей. Позади него огородик, а справа утопали в зелени амбар, хлев и кузница.

Полдень давно миновал, солнце склонилось к западу, и лишь на верхушках деревьев сакмарского леса играли золотистые лучи. На скамейке перед домом, под березой, сидел мужчина и старательно выстукивал косу.

Архип правил косу усерднее, чем обычно, стараясь отогнать невеселые мысли. Вдруг он опустил молоток и посмотрел в сторону городка, откуда быстро шел молодой крепкий человек. Юноша остановился возле кузнеца:

– Слава богу, что ты дома, Архип!

– А где ж мне еще-то быть? – привстал со скамейки кузнец. – А что стряслось? Чего так спешил? Аж как жеребец скакал!

– Заскачешь тут, – ответил Лука. – Обожди с расспросами-то. Дай дух перевести. Ежели бы ты только знал, что стряслось!

– Сидай на скамью, успокойся и обскажи!

– Ох, Архип, ей-богу, рехнулись мои родители. Горе горькое. Они ведь сватают прямо сейчас за меня Авдошку Комлеву!

– Ну и что? Сам того хотел!

– Хотел, да перехотел, – вспыхнул юноша. – Мое сердце Ляля выкрала. Ее в жены хочу!

– Хочешь, так бери, – ухмыльнулся кузнец. – Она сейчас у Мариулы, а не в таборе, и рисковать зря башкой не придется.

От слов кузнеца глаза Луки широко раскрылись:

– Ты о чем это мелешь, Архип?

– Как о чем? – кузнец положил молоток и косу на траву и внимательно посмотрел на юношу. – Ежели любишь девку-то, так бери ее прямо сейчас и бегите с ней отсель куда подальше.

– Ты, верно, тоже рехнулся зараз, – побледнев, Лука отшвырнул ногой попавший под сапог камень. – Куда ж мы без родительского благословения? Да и бежать-то куда? Мы ж не на каторге.

– Бежать мест много! – ответил Архип. – Да хоть в Яицк. Атаман там приветливый. Не даст пропасть, приютит!

– Я что, безродный, чтоб приюта искать? – возмутился юноша. – Не пойму я тебя, Архип, совет даешь какой-то никудышный!

– А что ты хочешь услышать? – спросил кузнец, начиная злиться. – Бежать с Лялей не хочешь, тогда женись на Авдотье. Девка видная! Поди, первая красавица в городке! Ежели мне память не отшибло, ты сам мечтал свести ее под венец?

Лука не нашелся что ответить. Он, недовольный, сел. Кузнец опустил голову, положил руки на колени и спокойно сказал:

– Смирись с волей родительской, вот что я тебе скажу! Ты еще мал умом, чтоб на такой сурьезный шаг решиться. Да и вдали от них жить еще не готов! Раз сватают за тебя Авдотью, вот и смирись. Знать, эдак надо. Родителям завсегда виднее, как жизнь своего чада наладить!

Архип посмотрел на Луку, желая увидеть его реакцию на свои слова. Но юноша угрюмо молчал. Кузнец с сожалением покачал головой:

– А еще один совет мой для тебя таков будет: забудь Лялю, не твоя она! Ты свободный казак, проживаешь на своей земле. Что еще для счастья надобно?

– Я не смогу ее забыть! – хмуро ответил Лука. – Она мне дороже всего! Родителей даже. И чего ты вдруг решил, что не моя девка-то? Кто тебе об этом сказывал?

– Мариула карты на судьбину вашу кинула, – вздохнув, произнес Архип. – Карты про тебя умолчали, будто и нету тебя вовсе. А вот про Лялю много чего поведали. И про суженого ее, во как!

– Про суженого?

Юноша вскочил и зашагал перед кузнецом взад-вперед. Наконец он остановился и, посмотрев Архипу прямо в глаза, грозно спросил:

– Уж не цыган ли тот нечестивый, который за Лялькой в городок весь табор свой зараз приволок?

– Нет, не он, – обреченно вздохнул кузнец.

Лука сдвинул брови, провел рукой по волосам и задумался. Видимо, перебрав в уме всех возможных соперников и не найдя никого, с мольбой в голосе спросил:

– Не томи душу-то. Обскажи, на кого указали карты Мариулы.

– На меня, – ответил кузнец и отвернулся от Луки.

Юноша покачнулся, как будто его ударили кулаком в висок. Дрожь пробежала по телу:

– Ты что, очумел, Архип? Али пьян спозаранку?

Кузнец выслушал Луку внимательно, но не обернулся.

– Сам знаешь, что дурманящего пойла не лакаю.

Глаза юноши сверкнули, он холодно сказал:

– Ты, верно, потешаешься надо мной?

– Разве видно, что я шутковать нынче расположен? – Архип обернулся и печально улыбнулся. – Я сам мало верю в пророчества карт, но кто его знает...

– Антихрист проклятый!

Словно глухое рычание вырвалось из груди Луки. Рука рванулась за саблей, но, к счастью, ее при нем не оказалось.

– Не серчай, Лука, – сказал кузнец спокойно. – Для чего нам травить и задирать друг друга? Я никогда не таил злость супротив тебя; ежели иногда я, по своей вспыльчивости, бывал не прав, то сам завсегда это шибко переживал. Что мешает нам оставить все как было?

– Я ненавижу тебя, – сказал, как плюнул в лицо Архипа, юноша. – Сейчас я уйду, но берегись. Никогда не попадайся мне навстречу, иуда!

Одарив кузнеца полным лютой ненависти взглядом, он пошагал в сторону городка.

– Перебесишься – приходи! – крикнул вслед Архип. – Я на тебя не серчаю.

Но что-то внутри подсказало кузнецу, что размолвка между ними похожа на трещину, которой не суждено будет зарости.

* * *

– Эх, башка твоя садовая, – прошептал, провожая печальным взглядом юношу, Архип. – Что молот язык, поди, и сам не ведал.

Решив немного развеяться, кузнец схватил удочку, взял дома краюху хлеба, кусок сала и пошел на реку. Он любил поудить рыбку ради душевного успокоения.

Разговор с Лукой вымотал его так, что в глазах у него было серо, а во рту сухо, как будто он целый день махал кувалдой в кузнице. Архип шел к реке неторопливо, как перегруженный поклажей верблюд. Казалось, что силы его иссякли и до берега Сакмары ни за что не добраться. Но когда он неожиданно увидел ветхий шалаш – не выдержал: с радостным восклицанием, как к давно забытому родительскому дому, поспешил к нему.

«Сколько раз здесь бывал, а шалаша не видывал!» – приставив к дереву удилище, подумал Архип и, блаженно закрыв глаза, повалился в густую благоухающую всевозможными ароматами траву.

Отдохнув, кузнец осмотрел шалаш. С виду он был пригоден даже к длительному проживанию. Архип вымел из шалаша мусор и застелил землю свежей травой. Разогревшийся и от работы, и от жарко пылающего костра, он сел ужинать.

Веселый, искрящийся костер, шумевшая рядом река, теплый летний вечер вернули его в нормальное состояние. Только сейчас Архип почувствовал, что освободился от гнетущего состояния и к нему возвращается радость жизни, утраченная после объяснения с Лукой.

Заснул он мгновенно и проснулся, когда солнце уже давно сошло с небосклона, а его место среди точек звезд заняла желтая луна. Плечи, спина и колени у Архипа ныли, точно его исколотили палками. Рыбачить он решил на утренней зорьке, а сейчас хотел поразмышлять на природе о своем прошлом, настоящем и... может быть, о своем туманном будущем!

* * *

Мать свою Архип не помнил, а отца вообще никогда не знал. Правда, крепостные графа Артемьева болтали, что мать его, Марфа, была писаной красавицей, а ребеночка прижила от самого барина, при котором состояла горничной.

Несмотря на сиротство, Архип жил в имении, не зная горя.

Граф Михаил Прокофьевич не раз слышал, что крепостные судачат, будто он отец юного кузнеца Архипки. Но верил в это мало. Тот был поджарым коротышкой, с большой круглой головой; брови густые, сросшиеся на переносице; глазки маленькие и, когда не затуманены винными парами, черные, колющие; нос широкий, вздернутый, огненно-красного цвета, порох поднести – того и гляди вспыхнет; лицо облизанное, безволосое. Зато сердце доброе было у барина.

Архип же вырос рослым, крепким парнем, а лицом походил на рано умершую мать. Полное благородства лицо, с высоким лбом, длинными русыми волосами и маленькими усиками. Голубые глаза под темными ресницами казались бы яркими звездами, если бы их не туманила печаль. Архип был силен и красив, а печать беззаботности и в то же время какой-то грусти делала его еще красивее.

Однажды барин привез в имение молодую жену Анну. Обладая сказочной красотой, женщина имела скверный характер. «Чертовка», как прозвали барыню крепостные, почти сразу выказала свой злобный, необузданный нрав. И райское место, каковым считалась усадьба Артемьевых, превратилось в кромешный ад. Взяв все в свои руки и усадив покорного супруга под каблук, Чертовка проявляла чудеса жестокости. Крепостных пороли за любую провинность. Людей продавали, меняли и просто убивали ради прихоти барыни. Только Архипа обходили стороной все несчастья. Барыня вспылала тайной страстью к юному красавцу, а потому...

У кузницы, что стояла на краю деревни, остановился черный конь. На нем восседала всадница, лицо которой было скрыто под черной вуалью. Она напоминала ангела смерти.

Женщина бросила поводья подоспевшему мальчишке-подмастерью.

– Кто вы, барыня? – не узнав графиню, спросил мальчуган, глядя на нее как на что-то сверхъестественное.

– Помолчи, щенок! – рыкнула на него ночная гостья. – Веди меня к кузнецу, живо!

– Но он спит, – прошептал мальчик.

– Веди меня к нему, щенок! – И удар хлыста оставил на лице подмастерья кровавый рубец.

Бедняжка испугался и, жалобно плача, указал ей на избушку Архипа.

Чертовка тихо отворила дверь, приблизилась к лежанке и остановилась, точно окаменев. Едва дыша, она присела и поцеловала юношу в лоб.

– Маланья! – улыбаясь, прошептал Архип во сне имя своей любимой девушки.

– Ах! – вскрикнула барыня и отпрянула.

– Кто здесь? – встревоженно спросил Архип, вскакивая с лежанки.

– Я... Барыня твоя. – И, словно теряя сознание, она опустила красивую голову на грудь. Кузнец зажег свечу, глянул на ночную гостью и обомлел:

– Вы... вы... барыня? Что привело вас сюда ночью кромешной?

– Что привело? Мое сердце. Оно уже давно сохнет от любви к тебе!

Ее голос задрожал, а слезы, как алмазы, сверкнули в глазах.

– Вы... вы же барыня и еще жена самого графа?!

– Я это помню!

– Но вы же дворянка!

– Да!

– И все же...

– И все же пришла к тебе сюда! Даже сам сатана не смог бы остановить меня! – закричала барыня, становясь на колени. – Слушай меня и запоминай. Раз в жизни я полюбила, полюбила тебя, холопа! Насмехайся надо мной, но я буду любить тебя; проклинай, но я буду любить тебя. Да, я жена графа! Но поп в церкви соединил лишь наши руки, а не сердца. Свое сердце соединю с твоим я сама!

– Барыня, уйди! – воскликнул Архип, пятясь от нее к стене. Лицо его пылало краской гнева. – Я гляжу, что вам плохо. Вы сами не ведаете, что хотите сотворить!

– Это я-то? – Чертовка вскочила и двинулась прямо на юношу. – Если ты вздумаешь отказать мне, растопчу в пыль и развею по ветру!

– Но я не могу!

– Ты сделаешь, как я велю! – тяжело дыша, властно сказала барыня.

– Но я...

– Ха-ха-ха! – дико захохотала похотливая Чертовка. – Клянусь раем и адом, если они существуют, ты сделаешь так, как я захочу!..

После того как Архип вынужденно уступил ей, Анна, казалось, сошла с ума. Вначале она приходила к нему ночью, но уже скоро начала приставать к парню даже днем. В постели она вытворяла такие непристойности, что у неискушенного кузнеца кровь стыла в жилах.

Но любому мракобесию должен быть положен конец. Воспользовавшись отсутствием барыни в имении, Архип набрался храбрости и пошел к графу.

Он застал графа Артемьева мирно читающим книгу.

– Выслушай меня, барин, – сорвав с головы шапку, кузнец упал на колени и молитвенно скрестил на груди руки.

Граф положил книгу на колени и, словно догадываясь, с чем пожаловал кузнец, вздохнул:

– Говори, Архип, позволяю.

Глядя в пол, волнуясь и путая слова, юноша рассказал внимательно слушавшему его барину про свою греховную связь с Чертовкой. А когда он облегчил душу и зажмурился в ожидании сурового приговора, Михаил Прокофьевич на удивление спокойно сказал:

– Я знаю обо всем, Архип. Но ты правильно сделал, что явился ко мне. За это...

Граф задумался. Кузнец понял, что сейчас барин скажет, какому подвергнет его наказанию. Но случилось невероятное. Граф подошел к Архипу, поднял его с колен и сказал:

– Твоя покойная матушка, царство ей небесное, была женщиной необыкновенной. А я не твой отец, как судачит челядь! Но я даю тебе отпускную бумагу, и уходи на все четыре стороны из имения.

Артемьев вложил в руки потрясенного Архипа, видимо, заранее заготовленный документ.

– Береги его как зеницу ока, – пояснил граф и указал на дверь. – Чтобы уже до вечера ноги твоей в усадьбе не было!

Словно пригвожденный к полу, оглушенный невероятной новостью, юноша бестолково пялился на листок в своих руках, не зная, что с ним делать. Привыкший к спокойной жизни в имении, он и понятия не имел, как распорядиться свалившейся вдруг на голову свободой. Свое чудесное освобождение из рабства он воспринимал как изгнание в чуждый мир, о котором никогда и не грезил.

– Ну, что стоишь пнем? – улыбнулся, поняв его состояние, барин.

– Дык, идти-то куда мне? – прошептал Архип.

– Пока уходи подальше с моей земли, а там разберешься.

Барин вложил в руку обескураженного юноши несколько серебряных и медных монет.

– На первое время тебе хватит, – сказал он. – А потом учись зарабатывать и кормить себя сам, свободный человек!

– Барин, не гони...

Архип снова грохнулся на колени, но был остановлен рукой графа.

– Несмышлениш, – улыбнулся он. – Да о таком счастье мечтает каждый крепостной!

– Да куда ж я пойду-то? – едва не разревелся юноша. – Я ж...

– Ну вот что, – перебил его барин. – Твой отец, кажется, яицкий казак Ларион Санков. Этот «господин из степи» много лет назад гостил в моей усадьбе с моим братом Александром. Частенько я замечал его рядышком с твоей покойной матушкой. Он твой отец или нет, я не знаю. Отыщи-ка его в Яицке и сам обо всем и поспрашивай.

Целых пять лет Архип бродил по обширным просторам России. За это время он усовершенствовался в кузнечном деле и понял, какую великую милость оказал ему барин, подарив свободу. Добравшись до Яицка, Архип узнал, что казак Ларион Санков действительно проживал в этом славном городке, но много лет назад он не вернулся из похода... К его многочисленной родне Архип заходить не стал. Но судьба в очередной раз оказалась милостивой к нему. Проходя Оренбург, он ненадолго задержался с целью подзаработать денег для продолжения пути.

Однажды, сидя в кабаке, кузнец с жадностью поглощал постную похлебку, думая о том, в какую часть города податься, чтобы подыскать подходящую и хорошо оплачиваемую работу. За его спиной звякнул дверной колокольчик. Обернувшись, Архип увидел с десятков бородатых мужчин, которые крестясь, как в церкви, заходили в питейное заведение.

– Здоров будь, хозяин! – весело крикнул один из посетителей и бросил шапку на большой стол у входа.

– И вам здравия желаю, господа казаки! – приветливо ответил гостям хозяин, толстый лысый человек, очень похожий на большой пивной бочонок. – Вы прям седня явились как гром среди ясного неба!

– А мы, сакмарские, эдакие, – рассмеялись казаки, рассаживаясь за столиками. – За что нас нехристи-кочевники зараз и пугаются!

– Эх, знаете, господа казаки, – засмеялся, прищуриваясь, хозяин, – сегодня угощение и выпивка за счет заведения. У моего сына Ганса день рождения!

– Тогда запирай двери, гулять будем! – загоготали дружно мужики.

– Как вам будет угодно, – ответил довольный хозяин. – Я велю никого седня не пускать, даже самого святого Петра.

Толстяк заковылял к двери. А казаки тем временем заметили одиноко сидящего Архипа, и один из них крикнул:

– А ты кто таков будешь, божий человек? Ежели хошь, то к нам двигай.

Началась пирушка. Рассмотрев Архипа, казаки начали переглядываться.

– Не смущайтесь, господа казаки, – сказал громко хозяин, неверно истолковав волнение своих гостей. – Пейте, ешьте вволю за здоровье моего Ганса!

Тем временем над столом послышались восклицания казаков:

– Во дела! Ну, вылитый, надо ж...

Хозяин дважды хлопнул в ладони, видимо, давая знак прислуге, и занял свободный стул за столом. А Архип услышал, как пялившийся на него представительного вида казак пробормотал сидевшему с ним рядом:

– Гордей, погляди. Та муха, что за наш стол уселась, дюже на Лариошку Санкова схожа?

– Ей-богу, атаман, – вытаращился на Архипа Гордей. – Ежели бы Лариошку сейчас прямо с ним рядом посадить, а этому еще...

Перебив его, атаман Данила Донской обратился к столу:

– Гляньте-ка, казаки, на кого этот человек мурлом схож? Прямо вылитый Ларион Санков! Я бы зараз их спутал, ежели бы этому рабу Божьему бороду причыпать!

Собственные слова заметно растрогали атамана. Он глубоко вздохнул и сказал:

– Айда-ка зараз жажнем за это, а опосля обспросим гостя нашего, кто он и откуда?

Архип ничего не понимал. Он выслушал атамана, упрямо нагнув голову. Казаки чокались, запивая водку квасом.

Для следующего тоста поднялся казак, которого все называли Макарка.

– Браты-казаки! – с подчеркнутой торжественностью рявкнул он урядническим голосом. – Браты! Сейчас опрокинем зараз по чарке за Ганса, отрока хозяина заведения, а опосля жажнем и за нас!

Макар опустил свой опустевший стакан и с размаху бросил его вниз. Ударившись об пол, стекло со звоном разлетелось на мелкие кусочки. Кто-то затянул песню. Водка лилась рекой.

Разгорячившись спиртным, казаки на время позабыли как про Архипа, так и про порававшее всех его сходство с земляком – казаком Лариошкой. Но атаман (самый трезвый из всех) поманил парня пальцем.

Архип пересел на указанное место и недоверчиво покосился на Данилу.

– Как звать? – спросил тот, обдав лицо перегаром.

– Архипом нарекли, – ответил парень.

– А фамилию какую носишь?

– Барин меня Санковым называл.

– Во дела. – Атаман облизнул губы и обнял Архипа за плечи. – Чем промышляешь здесь, божий человек?

– Я из Яицка иду, – ответил Архип. – В Оренбург попутно заглянул.

– Слухай, а Лариошка наш Санков тебе случаем не сродственником приходится? – поинтересовался атаман. – Он ведь тоже из Яицкого городка родом?

– Не знаю, – насторожился Архип. – Я ведь отца своего и не знал вовсе. Матушку – и ту живую не помню!

– А ремеслом каким владеешь? – наседали с вопросами Данила Донской.

– Кузнец я сызмальства! – ответил парень.

– Беглый?

– Нет, отпускной.

– А мож, зараз к нам в городок заглянешь? – предложил атаман.

– Для чего?

– Оглядишься, мож, и останешься, – хитро прищурился Данила. – А я тебя ешо с Лариошкой сведу. Мож, и сродни вы, кто его знает?

Вот так и попал Архип в Сакмарский городок, а увидев Санкова Лариона...

* * *

Услышав хруст сухой ветки, кузнец насторожился. Он мгновенно освободился от объятий сна и выглянул из шалаша. И эта поспешность едва не стоила ему жизни.

Кто-то набросился на него сбоку, и Архип увидел в руке нападавшего кинжал.

– Подохни, пес казачий! – прохрипел тот и попытался вонзить нож в сердце Архипа.

Но кузнец был не из тех людей, которые так просто расстаются со своей жизнью. Он ухватил за кисть занесенную для удара руку противника и так сдавил ее, что нападавший не выдержал и жалобно застонал. Утренняя зорька позволила Архипу разглядеть лицо своего врага. Не веря глазам, он смотрел на хрипевшего от натуги молодого цыгана, который тщетно пытался освободить свою руку.

Нож выпал из руки противника. Архип отшвырнул его ногой. Схватившись, оба покатились по земле. Руки их рвались к кинжалу. Цыгану удалось выхватить из-за голенища сапога еще один нож. Но Архип снова ухватил его за запястье. Пальцы цыгана, впившиеся в рукоять ножа, посинели и выпустили оружие.

Заломив ему руки за спину, кузнец стянул их ремнем. Потом он усадил цыгана у тлеющего костра и спросил:

– Ты чего на меня с ножом набросился, ушлепок коровий?

– Убить хотел, – скосил глаза вбок цыган.

– А за что?

– Не твое собачье дело.

Архип внимательно смотрел на цыгана. Да ведь, кажется, это тот самый, что с вожаком привел табор в городок, чтобы забрать Лялю! Тот самый, который на площади, угрожая ножом, оскорблял его и вызывал на поединок.

В городок он приходил в красной рубаше, а теперь на нем серая косоворотка.

– Что zenки пялишь? – бросил злобно цыган. – Скажи своему ангелу-хранителю спасибо, что жив остался.

– Что мне делать – сам знаю, – ухмыльнулся Архип. – Сдается мне, что цыгане – сплошь и рядом твари трусливые, способные токо из-за угла нападать на честных людей!

– Ты нарочно меня злишь? – с хрипом вырвалось из груди пленника.

– Ага, ты, наверное, и шел сюда с мыслью выпустить мне кровь? – вопросом на вопрос ответил Архип. – А нож чего такой маленький взял? Им даже кожу мою не проткнуть.

– Пусть мал, да остер! – прорычал цыган. – Гляди не порежешься, баран перекормленный.

– Да ты и с ножом ничего не стоишь, – издевательски расхохотался ему в лицо кузнец. – Ты напал на меня из кустов с двумя ножами и не смог одолеть одного, да безоружного!

– Развяжи меня! – заревел в бешенстве Вайда. – Развяжи, и мы померяемся силой.

– Пустое, – подмигнул ему Архип. – Ежели я тебя развяжу, то ты не в драку полезешь, а шмыгнешь в кусты, как заяц пугливый.

– Что-о-о? – цыган аж задохнулся от негодования. – Я у тебя живого сердце вырву!

– Кишка тонка и руки коротки!

В глазах Вайды засверкали молнии.

– Что, боишься схватки со мной, негодяй? – крикнул он вне себя. – Вы все, казаки, – поганцы и разбойники, вы отняли у меня невесту, скоты! Тебе не уйти от меня, кузнец, если ты прямо сейчас, пока я связан, не перережешь мне горло!

– Значит, хочешь схватки? – ухмыльнувшись, спросил Архип.

– Желаю!

Кузнец пожал плечами, освободил руки пленника от ремня и после недолгого раздумья швырнул ему в ноги оба ножа. Он засучил до локтей рукава рубахи и выразительно посмотрел на наблюдавшего за ним цыгана.

– Ну? Вайда, или как там еще тебя. Жду не дождусь.

Цыган нагло улыбнулся, подобрал ножи и крикнул:

– А теперь прощай, казак бестолковый. Я обязательно убью тебя, только не сейчас. Силушкой Бог тебя не обидел, а вот умишком обделил!

Вайда громко захохотал и, словно проворная рысь, ринулся к реке. Не двигаясь с места, Архип проследил, как стремительные воды Сакмары подхватили тело цыгана и увлекли по течению вниз. Кузнец помахал ему рукой и вслух сказал:

– А я вот полагаю, что именно тебя, варнак, Господь обделил и тем, и этим...

10

Слухи о предстоящем сватовстве Авдотьи Комлевой с быстротою молнии облетели городок. В воскресенье после утренней молитвы казаки и казачки толпились у торговых рядов на ярмарке и на все лады обсуждали новость.

– И это еще не все, – шептала на ухо старухе Колодяжной Агафья Вороньева. – У Барсуковых-то в избе хоть шаром покати, нет ниче, вот и сватают Авдошку. Егорка-то Комлев – казак зажиточный!

– А Лука-то не ест, не пьет, горемычный, – собрав вокруг себя Марфу Еремину и Арину Горюнову, втолковывала им Нюрка Городилова. – Иссох весь. Вот и порешили Барсуковы его оженить, чтоб Господу душу-то зараз не отдал!

Одним словом, всевозможным толкам не было конца.

Жена пекаря Антипа Емельянова, Варвара, рассказывала мельничихе Клавке Дорогиной, что ее муженек пек пироги по случаю сватовства. А сватать поедут на трех тройках, чтобы удивить сакмарцев.

Больше всего забот и дел оказалось у Маланьи Евсеевой. Она носилась среди торговых рядов, как назойливая муха, болтала и сплетничала то тут, то там, всюду высыпая полный мешок новостей.

– Ах, кума, здоровочки! – кричала она Пелагее Гуляевой. – Поглядела бы ты, какие тройки снаряжают Барсуковы-то! Аж целых пять! Народу сватать много поедут. И атаман со своей зазновой тоже зараз с ними!

– Да ну! – крестилась кулугурка Пелагея. – Срам-то какой, Господи!

– У тебя еще язык не отвалился, сорока? – прикрикнул на сплетницу Матвей Гуляев. – Не умаялась брехать-то, кума?

– А ты у людей обспроси, кулугур несчастный, – вспылила Маланья и развела руками, как бы призывая всех вокруг в свидетели. – Али сам сходи и посчитай.

Сватовство у казаков считалось делом благим, вот потому и обсуждалось так горячо на городской площади. Сватовство представляло собой обряд предложения брака, согласно которому будущий жених просит руки своей избранницы у ее родителей. Участвовать в этом обряде будущий жених может либо непосредственно сам, либо посылая к родителям своей избранницы сватов. Это могут быть родители жениха, ближайшие родственники, крестные родители.

В назначенный день, в точно указанное время, будущий жених наносит визит родителям своей избранницы. Жених говорит им о своих чувствах к их дочери и просит ее руки. Удобно приурочить первую встречу с будущими родственниками к празднику, семейному торжеству. Хлопоты вокруг стола создают естественную обстановку для непринужденного общения.

Визит не должен быть продолжительным. После сватовства будущие родственники договариваются об объявлении помолвки и определяют ее дату...

Ушедший из дома Лука к назначенному часу не явился. А потому разозлившийся отец решил обойтись без него.

Никодим и Прасковья Барсуковы взяли на себя обязанности свата и свахи, а атаман Данила Донской с супругой Степанидой были приглашены как почетные гости.

Ровно в полдень две разукрашенные ленточками тройки взяли старт от дома Барсуковых и, прокатившись взад-вперед по городку, направились к дому Комлевых.

* * *

А у Комлевых уже ожидали приезда сватов. Посреди горницы стоял накрытый стол.

Хозяин дома Егор Комлев окинул его довольным взглядом.

– Ну что, давай по маленькой опрокинем, покуда сватов дожидаемся, – объявил он. – Все веселей апосля балагурить-то будет!

Первыми за стол сели Григорий и Софья Матрюковы – крестный и крестная Авдотьи.

За ними следом заняли места родственники, приехавшие из Берд, – муж и жена Губановы.

Уставший от хлопот Егор отер разгоряченное потное лицо, поправил редкие волосы и с удовольствием сел на пододвинутый ему супругой Анисьей табурет.

Матрюковы стали хвалить хозяев за красивый стол. В это время с улицы в избу вернулись выходившие покурить Тархей Волков и урядник Петр Белов. Казаки о чем-то беззлобно спорили.

– Да будя вам, песьи дети! – прикрикнул на них Егор. – Айда к столу. Медовуха стынет!

Казаки не заставили себя приглашать дважды. Они быстро заняли свои места за столом и выжидательно уставились на хозяина. Взяв рюмки, собравшиеся дружно выпили. Закусив, Григорий Матрюков перекрестился и сказал:

– Скорее бы сваты приезжали, жрать страсть как охота!

– Эй, моя лебедушка, – обратился ласково Егор к жене, – плесни-ка нам еще чуток для храбрости!

Тархей Волков, подходивший, как о нем говорили в городке, к каждой компании, как затычка к бочке, указывая на Матрюкова, скорчил уморительную гримасу и показал всем язык.

Гости и хозяева рассмеялись. За столом сразу стало шумно и весело.

И вот ко двору, звеня бубенцами, подлетели тройки и остановились у ворот.

Егор первым подскочил к окну.

– Узнаю коней ретивых! – взволнованно крикнул он. – Айда во двор, сватов встречать будем!

– Ба-а-а, да сам атаман со сватами пожаловал! – всплеснула руками Анисья. – Да еще с супруженкой Степанидушкой! Ну вот, теперь и попьем, и попоем.

Анисья сделала паузу и, окинув гостей смеющимся взглядом, добавила:

– Чайку попьем, конечно, и попляшем! Эдак, что ль, Егорушка?

– Это уж и на бобах не ворожи, и к Мариуле не ходы! – вставил Тархей Волков. – Раз атаман с супружницей, знать, и горлу, и ногам зараз работы хватит!

Во двор вошли сваты. Впереди Никодим и Прасковья Барсуковы, за ними атаман с супругой, а уж следом родители Луки. Самого жениха с ними не было.

– Здравия вашему дому, – поклонились хозяевам вошедшие.

– И вы здравы будьте, гости дорогие, – с поклоном ответили встречающие хозяева.

– Ваш товар – наш купец, – в один голос заговорили Никодим и Прасковья. – У вас девка – у нас молодец.

Григорий, окинув сватов взглядом, недоуменно рывкнул:

– Погодь, а жених-то где?

– Дома остался, – объяснил отсутствие сына Авдей Барсуков. – Прихворнул от радости-то! Эй, Макарка, сынок!

Макарка Барсуков вбежал во двор с большой корзиной, перевязанной бечевкой.

Никодим поднял крышку: в одной половине ее стояли три огромные четвертные бутылки, в другой – свертки, банки, коробки и коробочки с закусками, пирогами и печеньем.

– Примите наше подношенье, сваты дорогие, не побрезгуйте, – протянул он корзину встречающим хозяевам.

– Айдайте все в избу, – засуетились Комлевы. – На пустой желудок важные дела не решаются!

Не успели сваты и гости рассестись за столом, как с улицы послышалось удалое брenchание на балалайке, и в дом ввалились родственники Комлевых из Илека-городка.

Старший брат Егора, Поликарп, маленький, белесый, лупоглазый, совсем не похожий на широкоплечего, подтянутого Егора, уже достаточно хмельной, лихо наяривал на балалайке. Следом за ним, тоже сильно навеселе, толстокосая, ширококостная, точно сколоченная вся, его жена Вера.

Женщины весело смеялись, приплясывая на ходу.

– За стол, за стол, – потребовал Егор. – Мы что, об свадьбе собрались говорить или попусту ласы точить?

Урядник Белов откупоривал четвертные и расставлял их по столу. Глаза присутствующих засветились. Даже супруги Губановы заметно оживились, отодвинули от себя пироги и чашки с компотом.

И сватовство продолжилось. Разговор о помолвке и свадьбе длился недолго. Свадьбу решили сыграть в августе, на Преображение Господне.

Покончив с «официальной» частью, уже изрядно подвыпившие сваты и гости перешли к части торжественной.

По знаку Егора Поликарп схватил балалайку, Никодим Барсуков – ложки и грянули плясовую.

Атаман Данила Донской пустился вприсядку. И так, в лихом плясе, выкатил на середину горницы. Гости из Берд с изумлением смотрели на пляшущего атамана. А он, продолжая вскидываться и приседать, одну за другой опрокидывал подаваемые хозяевами и гостями рюмки.

После седьмой атаман грузно опустился на табурет:

– А теперь еще и попеть зараз можно!

Анисья Комлева и Степанида Донская ставили на стол пироги, сыры, колбасы. Униженная украшениями Вера Комлева выплясывала подбоченья. Она вся сияла и звенела, как бубенец на конной упряжке.

– Анисья! Душа моя! Как я истосковалась по всем вам! – с несвойственной ее весу резвостью Вера подбежала к хозяйничавшей у стола Анисье и, взвизгивая и задыхаясь, стала целовать ее:

– Господи, как я соскучилась по вам!.. Как долго мы не виделись!.. И торопилась на сватовство, ох, как то-ро-пи-лась!

В самый разгар гулянки отворилась дверь и в дом вошел Лука. Но на жениха мало кто обратил внимания, так как все были сильно пьяны.

Однако приход юноши не остался незамеченным его трезвыми родителями.

– Лука, ты ли это, чадо мое неразумное? – крикнул Авдей.

– Я, батька, кто ж еще! – отозвался стоявший у двери юноша.

– Что, одумался, неслух ты эдакий?

– Одумался, батя.

– А коли ты явился, входи и за стол сидай или к Авдошке сходи, порадуй девку-то.

– Его-о-ор? – орал пьяный в стельку атаман. – Медовуху давай, скряга! Иначе помру прямо сейчас со скуки, а я гулять... гулять хочу!

И атаман загоготал так заразительно и весело, что на все лады захохотали все вокруг.

– Гляди, зятек к нам пожаловал! – крикнул Егор Комлев, увидев Луку. – К столу айда, казаки, сожрем зараз все и выпьем без остатку, чтоб врагу ничего не осталось!

Красный от стыда и робости, сковавшей все его тело, Лука опустился на табурет. Ему было очень стыдно от того, что пришел к родителям невесты поздно. Лука сидел, боясь посмотреть людям в глаза. «Посижу маленько, примелькаюсь и уйду», – решил он. Также он боялся увидеть свою невесту, которой, к счастью, не было среди пьяных гостей.

– Ка-за-ки! – дядька Никодим поднялся с рюмкой в руке и обвел собравшихся выпученными от выпитого глазами. – Хочу вот выпить за племянша моего, Луку! – Никодим пьяно прищурился. – За то, что он сегодня стал женихом! – Дядька скосил глаза на сидевшего с низко опущенной головой Луку. – За то, что он скоро уже станет настоящим домовитым казаком! До доньшка, казаки!

Одним махом Никодим опрокинул рюмку, приподнял ее над головой, показывая, что она пуста, и, окинув всех довольным взглядом, тяжело опустился на скамью.

Не выпил только Лука да сидевшая с ним рядом мать. Лука никогда еще не пробовал водку. В их богобоязненной семье отец внушал детям: «Зелье адово до блага и добра никого еще не довело!»

Но ссора с кузнецом, нежелательное сватовство и та причина, о которой казак старался не думать, так повлияли на него, что Лука решительно потрянул головой, взял наполненную до краев рюмку и, обжигая горло, выпил. И сразу задохнулся, закашлялся.

Пьяные гости одобрительно загоготали, а родители посмотрели на сына так осуждающе, что сердце екнуло в его груди, а выпитое едва не выплеснулось наружу.

– Лука, шел бы ты отсель, – прошептала мать. – Нечего глаза пялить на это безобразие.

Отец лишь одобряюще кивнул и, показав глазами на дверь, дал понять, что «велит» сыну немедленно уходить.

Под действием спиртного на душе юноши стало легче, у него посветлело лицо. Поклонившись родителям и гостям, он вышел на улицу.

Небо прояснилось. Воздух был чист и прозрачен. С горящими глазами и гордо вскинутой головой шагнул Лука к воротам. Но что окрылило ему душу? Неужели эта выпитая впервые в жизни рюмка спиртного? Нет, это любовь к Авдотье, которая вдруг переполнила его сердце!

* * *

Изба Комлевых стояла по соседству с избой Барсуковых.

Юноша попытался разглядеть в маленьком саду за домом соседей Авдотью, но там никого не было. Лука нахмурился.

Он собрался уходить, и в этот момент послышался звонкий голос:

– Сестренка, глянь, Лука через плетень зыркает. Наверное, зараз тебя выглядывает!

Из-за куста смородины появилась бледная Авдотья. Появилась и тотчас же исчезла.

У юноши загорелись глаза, лицо вспыхнуло. Одним прыжком он перемахнул через плетень и очутился в садике Комлевых. Увидев Авдотью на скамейке под рябиной, он онемел от радости. Девушка покраснела, губы ее вздрагивали, а сияющие счастьем глаза не могли оторваться от красивого лица жениха. Скрестив на груди руки, она, казалось, пыталась удержать бешено бьющееся сердце, дрожала как лист на ветру и едва переводила дыхание; бурная радость отняла у нее дар речи.

Сестра стояла за Авдотьей, на лице ее были и страх, и счастье. Молодые безмолвствовали; наконец говорливая Мария прервала молчание:

– Ты чего, Лука, через плетень сигаешь? Не мог через калитку войти?

– Не сердись на меня, Марьюшка, – мягко сказал Лука, – что тебя напужал.

– Вот еще, – промолвила Мария, – я и не думала сердиться! Я рада тебя видеть, Лука, а Авдотья еще больше, чем я, радешенька!

Авдотья ласково улыбнулась юноше, и улыбка ее была, точно месяц, выглядывающий сквозь застилавшие небо облачка.

– Как здоровьице ваше, Авдотьюшка? – ласково спросил Лука.

– Хвала Господу, на хворь не жалуюсь. Но сегодня почему-то было очень плохо, – ответила Авдотья.

– Это она по сватовству переживает, – затараторила Мария. – Томится, а еще скрывает, будто ничего и не было вовсе.

– Это правда? – спросил Лука, опускаясь на большой валун напротив скамейки Авдотьи.

– Когда сваты только ко двору с бубенцами пожаловали, ее аж затрясло всю. Она едва без чувств не свалилась. Я еле до скамейки-то ее довела. И водой ее окропила.

Лука плохо слушал рассказ Марии, он неотрывно смотрел на Авдотью, которая нервничала от потока слов сестры.

– Уже скоро мы поженимся, – растроганно произнес юноша. – Мне прямо не терпится назвать тебя своею женою!

Он с нежностью взял руку Авдотьи, которая, сжавшись в комок, не спускала с него глаз.

– А ты? – Лука скорее выдохнул, чем спросил.

– Боюсь я, – прошептала она. – Даже думать боюсь об этом!

– А что ты пугаешься, Авдотья? – спросил Лука. – Меня или жизни со мной?

– Сама не знаю, – вздохнула девушка. – Камень на душе лежит. Вон в доме-то как веселятся, а мне прям белугой реветь охота!

– Может, ты и под венец со мной идти не желаешь? – нахмурился юноша и удрученно склонил перед Авдотьей голову.

Девушка вскочила. Беспокойный огонь загорелся в глазах, она протянула дрожащие руки и, прижавшись головой к голове Луки, зарыдала, лепеча сквозь плач и смех:

– Лука, что ты сотворил со мной?!

В эту минуту на крыльце избы появился совсем уже пьяный Егор Комлев:

– Эй, доченьки, где вы?

– Ой, тятя! – побледнев, воскликнула Авдотья; Мария же совсем онемела от страха.

– Мне, пожалуй, пора, – засуетился и Лука, которому не хотелось, чтобы кто-то из гуляющих в доме людей видел его рядом с невестой. Бросив на Авдотью полный сожаления взгляд, он поспешил к плетню, желая поскорее оказаться дома и лечь спать до прихода, как он справедливо полагал, недовольных его поведением родителей.

11

Когда Ляле было восемнадцать, сбылось ее первое предсказание. За три года до этого она «увидела» кончину одного из цыган табора. Сказала тогда при свидетелях, что умрет он не своей смертью и родным будет стыдно за него. Все сбылось: цыган повесился.

Мать Ляли тоже владела неведомой силой, но рано умерла. Каким-то образом она успела передать маленькой дочке свою силу. Владеть этой силой вровень со знахарскими премудростями Лялю уже обучала тетка.

Убедить маленькую Лялю верить в то, что другим знать не дано, было очень трудно. Что только ни делала упорная Серафима, чтобы девчонка смирилась: привязывала к телеге, запрещала даже выглядывать из шатра, заставляя учить молитвы, наговоры, выполнять различные магические ритуалы.

Однажды наступил момент, когда Ляля поняла, что нельзя отказываться от того, что тебе дано. Вспомнила все, чему учила тетка. Ездила по родне, в другие таборы с целью узнать что-то новое...

Рассказ Ляли прервал осторожный стук в дверь, и в избу вошла симпатичная молодая казачка. Помялась, стесняясь, у входа, а потом ее вдруг словно прорвало. Сидя на краешке стула, тараторила без умолку. Все-то у нее в жизни – и дома, и везде – хорошо. Да вот только выйти замуж не за кого. Никто не сватает. Одни женатые попадают. А ей так хочется иметь своего, не чужого мужа и детей от него. Может, приворот какой Мариула сделает?

– Ни за что не буду! – отрезала Мариула, потягивая из чашки чай. – Как-то разок я уже приворот сделала Агашке Матвеевой, чтоб мужик налево не хаживал. Дык тот и действительно бросил по бабам шастать, но начал пить запоем. А через несколько лет помер, сердешный. Так что привороты более не делаю!

– А может, на ней венец безбрачия? – предположила Ляля.

– Может быть, – согласилась Мариула и внимательно посмотрела на смущенную девушку. – Снять его сможешь?

Кивком Ляля дала свое согласие. Вместе с Мариулой они собрали во дворе цветы, в основном васильки и ромашки. Пришедшая за помощью Полина, сев в горнице на небольшой коврик, начала плести венок. Ляля тем временем готовилась к ритуалу. Мариула принесла ей большой таз, кувшин и маленькие мешочки с необходимыми для обряда вещичками.

Полина разделась, надела на безымянный палец серебряное колечко, на голову – венок. Ляля зажгла большую красную свечу, которую дала ей Мариула, и началось таинство. От властного голоса Ляли по телу Полины побежали мурашки.

– Нечисть в воске отражайся! – крикнула Ляля и вылила растопленный воск над головой притихшей казачки в чашку.

Обряд снятия венца безбрачия, как знала Ляля, предполагает и одновременное очищение от возможной порчи. Когда все было закончено, женщины стали рассматривать, что же вылилось на воске. Очертания напоминали старушку в гробу.

– Хотела бы я знать, кто это сотворил? – сказала под впечатлением пережитого Полина.

На прощание девушки расцеловались, и казачка, уходя, обещала забежать, если Лялины прогнозы сбудутся.

– А что ты еще можешь? – спросила у Ляли Мариула, как только они снова остались вдвоем.

– Все, чему успела обучиться, – ответила девушка. – Тетя Серафима говорила, что помимо того, что тебе природа дала, нужно не только знать, но и уметь применять свои знания. Такие, как я, ведуньи, у цыган всегда учатся и проходят посвящение раз в год в день летнего солнцестояния.

Мариула вся светилась от счастья. Она так посмотрела на девушку, что Ляля смутилась и покраснела.

– Ты, верно, и в травах целительных толк знаешь? – спросила ведунья, даже не сомневаясь в положительном ответе.

– Да, – кивнула девушка.

– А ну-ка... – Мариула открыла крышку сундука и начала спешно извлекать из его недр всевозможные мешочки и свертки с целебными травами. Разложенные на полу, они заняли столько места, что ногу поставить было некуда. А Мариула указала на них Ляле и сказала: – А ну... покажи свое умение.

Мариула со знанием дела рассказывала о каждой травке и что ею лечат.

– Тебя ко мне сам Господь послал, дочка! – Мариула обняла девушку и поцеловала ее в лоб. – Будешь жить со мной. Я тебя еще многому научу!

– Я бы рада, но судьба мне иное сулит, – вздохнув, ответила Ляля.

Мариула взяла ее руку и несколько минут внимательно рассматривала рисунок на ладони. Затем она покачала головой и сказала:

- От кузнеца Архипа робеночка приживешь. О том ведаешь?
- Да, – кивнула девушка. – Случится это уже скоро!
- А сердце твое по Луке сохнет, – сказала Мариула.
- О нем, – вздохнула Ляля.
- Тогда почему отрекаешься от него?
- Судьба велит.
- Вижу сама, но почему?
- Он черен душой и несчастен, как и я. И мне невозможно под венец идти!
- Но и Лука по тебе сохнет?
- Ведаю я. Он еще полюбит свою Авдотью.
- Когда тебя не будет?
- Да.

Мариула замолчала. Она прочла по руке Ляли намного больше, чем сказала.

– Может, к чайку приложимся? – предложила ведунья и потрогала самовар. – Подогреть придется. Поостыл совсем.

– Он в самый раз согреется к приходу гостей, – без тени улыбки на лице сказала Ляля. – Кузнец уже к тебе спешит. А чуть позже Полина снова явится.

Не существовало тех вещей или слов, которые могли бы удивить старую женщину, но слова, брошенные девушкой, поразили ее.

– Для какого ляду они пожалуют?

– Кузнец боль свою душевную к тебе несет. А казачка... Она принесет две новости. Одну хорошую, другую – плохую.

* * *

Кузнец не спеша шагал к дому Мариулы, приветливо здороваясь со всеми, кто встречался по пути. Но на душе было беспокойно. Ссора с Лукой расстроила его, а нападение цыгана разозлило.

Ярость то вскидывалась в Архипе дико и необузданно, словно пламя, в которое подбросили дров, то спадала под леденящим холодом от осознания того, что вело его сейчас к старой ведунье. «Я понимаю твою боль, Лука, – думал кузнец. – Жаль, что ты не понял мою!» В конце концов он убедил себя в том, что ссора их ненадолго. А вот подлый цыган...

Невеселые мысли исчезли, едва он взглянул на крепость, мимо которой проходил.

Высокий частокол окружал крепость. Когда-то за этим забором жили отважные соподвижники атамана Василия Арапова. У стен гремели бои с кочевниками, а внутри, за частоколом, шумели пиршества в честь побед над врагом. Много рассказывала Мариула о тех героических днях. Много бы отдал Архип, чтобы родиться раньше и прибыть на Сакмарскую землю не в поисках блудного отца, а с отважной ватагой атамана Василия Арапова...

Кузнец не заметил, как подошел к дому Мариулы. У крыльца он почувствовал некоторое облегчение, но едва коснулся двери, как страх неизвестности навалился на него неизмеримой тяжестью. Он даже не мог вздохнуть полной грудью. Ему вдруг захотелось вернуться в свою кузницу и работать до полного изнеможения. Он не знал, что делать. Но потом вспомнил, зачем сюда шел, и это немного успокоило и взбодрило его.

Мариула встретила его приветливо.

- Ну вот, Архипушка, самовар зараз и вскипел. Подсаживайся к столу!
- Спаси Христос, – поблагодарил кузнец и прошел к столу.

– Да на тебе лица нет! – покачала головой Мариула, подавая ему чашку с дымящимся ароматным чаем. – Беда какая стряслась?

– Душу облегчить хочу, – даже не взглянув на предложенный чай, сказал он. – Что-то не ладится у меня в последнее время.

– Что ж, послушаем о неладах твоих, – поглядев на притихшую Лялю, сказала Мариула. – Выкладывай, с чем пожаловал. Облегчать душу иногда благостно. Но лучше бы в церковь к батюшке сходил, причастился бы да и исповедался! Из церкви, а не от меня ведет к сердцу Господа дорога.

– Вся жизнь моя такая большая дорога, – вздохнул Архип, – что давно бы пора умяться и упасть. А я еще двигаюсь. Устаю от одиночества. А в твоём доме и усталость проходит, и даже горе мое становится как будто меньше.

Мариула сложила перед собой на столе руки и внимательно посмотрела на кузнеца. А тот одним глотком выпил горячий чай, после чего рассказал женщинам о своей ссоре с Лукой и о покушавшемся на его жизнь цыгане.

Как только кузнец замолчал, Мариула посмотрела на нахмурившуюся Лялю и спросила:

– Ну? Что ты скажешь о сем, дочка?

Вместо ответа девушка взяла большую ладонь кузнеца и пристально вгляделась в обозначенные на ней линии.

– Вайда – темный человек, – сказала она. – До того, когда его поглотит ад, он много горя и страданий принесет людям.

– И что, это написано на моей ладони? – удивился кузнец.

– А с Лукой дорожки ваши разошлись, – словно не слыша, продолжила Ляля. – Его жизнь полна лишений, горя и лютой злобы. Дорожки ваши пересекутся, но не сблизят вас, хотя и врагами не сделают!

– Это все? – выдохнул Архип, видя, что девушка закрыла глаза и отпустила его руку.

– Нет, – прошептали ее губы. – Ты не услышал того, что хочешь услышать более всего на свете.

– Это ты про отца? – перешел на шепот подавленный услышанным кузнец.

Ляля крепче сомкнула веки и сказала:

– Обскажи про отца, раз пришел. Лишь потом я смогу тебя огорчить или успокоить!

Девушка слушала сбивчивый рассказ Архипа с закрытыми глазами и каменным лицом.

Когда тот, рассказав о встрече с казаками в кабаке, замолчал, Ляля открыла глаза и чуть заметно улыбнулась.

– Когда я увидел Лариона, зараз обомлел, – продолжил Архип. – А жуть взяла, до чего мы с ним схожи!

Он закашлялся от волнения. А Мариула заботливо пододвинула к нему чашку с чаем:

– Испей, касатик, да успокойся.

Она посмотрела на Лялю, словно спрашивая разрешения, и, не услышав возражения, продолжила рассказ кузнеца:

– Сходство Лариона с Архипушкой заметили все. Но они были не столь схожи, как втемяшил в свою головушку Архип. Я много раз приглядывалась и невольно диву давалась: и впрямь схожи! Сходство двух людей при желании завсегда сыскать можно. У Архипушки нос особенный, тонкий, с горбинкой. У Лариона тоже! Волосы, глаза тоже схожи. И ростом одинаковы. Казаки не раз говаривали, дескать, вылитые малец с батькой!

Мариула отпила глоток уже остывшего чая и взволнованно продолжила:

– Как-то заглянул ко мне Лариошка, чтоб ему пусто было. От угощений отказался. Прознал, видать, стервец, что Архипушка ко мне заглядывает. Ну и давай выведывать, злыдень эдакий, откуда он родом, кто его родители, живы ли? А я, не будь душой, все ему и пообсказала. Узнав обо всем, Лариошка в лице зараз сменился и поведал, что бывал в тех краях, откуда

Архипушка родом. Но признать его сыночком наотрез отказался. И я ему поверила. Лариошка сказывал, что ведомо ему, кто отец Архипушки, но назвать его пужается! Говорит, что и на смертном одре тайну сею не выдаст. Вот как!

– А что ты скажешь? – как только Мариула замолчала, обратилась к кузнецу Ляля.

– Я много раз к Лариону подходил, – угрюмо ответил Архип. – Но он всегда от меня открещивался и шарахался при встрече, что чертяка от ладана. Да мне ж сам барин о том поведал.

– Барин не ведал того, о чем молол его язык. – Девушка посмотрела на притихшую Мариулу. – Дайте мне карты.

Разложив колоду, она внимательно изучила расклад, после чего заговорила:

– Ларион не твой отец! Твой отец...

Ляля смутилась. Умолчав об отце Архипа, продолжила:

– Уже скоро вспыхнет великая смута. Прольется много крови. Смуту принесет за собой страшный человек, который будет называть себя Государем Россейским! Много людей разных поглотит смута. И тебя не минует доля сея лихая, Архип! Проявишь себя достойно – жив останешься! Спасуешь и совесть свою переступишь – сгинеешь с позором.

Девушка смешала карты, сложила их в колоду и вернула напряженно на нее смотрящей Мариуле.

– Про отца мне поведай, Ляля, – облизнув губы, прошептал кузнец. – Ежели не Лариошка, тогда кто он?

– Придет то время, и вы встретитесь, – загадочно ответила цыганка.

– И долго мне ждать его?

– У Господа спроси, он лучше знает.

– А ты? – судорожно глотнув, спросил Архип.

Но ответа на свой вопрос ему услышать не довелось. В дом вбежала казачка Полина, с которой Ляля снимала венец безбрачия, и выпалила:

– Тетка моя Марфа представилась. Матушка сказала, что случилось это в самый раз тогда, когда я у вас венец безбрачия снимала! Знать, она на меня порчу навела. Господи, зачем ей это надо было?

12

Емельян Пугачев очнулся от крика. Кричал умиравший на соседней кровати тульчанин Лукьян Синицын. В чумной барак парня перенесли уже искалеченным взрывом, а врачи отказывались его оперировать, боясь заразиться «черной хворью».

– Скоро отмается, сердешный, – сочувственно вздохнул Василий Кабанов, пожилой солдат, лежавший слева от Пугачева.

– А мне вот покойные родственники по ночам снятся, – вздохнул раненый Кузьма Федоров, призванный на войну из-под Пскова, из деревеньки Веснушка. – Я их гоню, матерю даже, а они все приходят и приходят. Сядут на край кровати и молчат, собаки их задери.

– Помрешь скоро, – вздохнул Кабанов.

– А вот мне приснилось, – вступил в разговор казак Ерема Портнов. – Возвернулся домой я, в Яицк, вхожу в избу, а там гроб стоит, да такой красивый, мне аж понравился! Подхожу я, значит, к гробу тому да и лег внутрь. И так мне в нем удобно стало и хорошо, аж вылезать из него не хотелось...

– Тоже помрешь, – «успокоил» его Василий Кабанов. – Все мы здесь помрем не от ран турецких, а от чумы треклятой!

– Слышь, не скули там, пес шелудивый! – рыкнул на Кабанова Кузьма Федоров. – Еще про смерть молоть чего будешь, сапогом запущу!

– Где я? – прошептал Пугачев, и спорщики тут же прекратили перебранку.
– Емелька, ты это? – воскликнул Ерема Портнов. – А я вот бóшку ломаю, ты – не ты? Одежку уланскую где-то раздобыл?
– Где я, братцы? – опять спросил Пугачев, пытаясь приподнять голову и оглядеться.
– В госпитале ты, как и мы все, – ответил Портнов. – Санитар давеча говорил, что подобрали тебя где-то в поле, далеко от войны. Раненого и чумой зараз сморенного!
– Раз в память вернулся, знать, выкарабкаешься, – заверил его Матвей Галыгин. – Примета здесь такая верная имеется!
– Сам знаю, что не помру, – вздохнув, прикрыл глаза Пугачев. – Рано мне еще помирать-то.
– А мы, грешным делом, думали: все, – усмехнулся Портнов, – помрет улан безымянный!
– Как же, помрешь тут с вами, – сказал Пугачев и поискал взглядом Портнова. – Орете, как быки на кастрации. Уже успевших помереть из могил зараз подымите.

Удивительное дело – он лежал в госпитале, а не в окопе или в могиле. Гул в ушах обволакивал все густым туманом, за которым что-то происходило, порой доносились голоса соседей по кроватям или слышались шаги санитаров. А ему было все безразлично, ведь болезнь спасала его от смерти на фронте. Мысль о том, чтобы встать, вызвала в теле предчувствие боли.

Вошедший санитар быстро подошел к лежанке Пугачева. Емельян резко, хрипло раскашлялся, грудь его сотрясалась. Тело горело от высокой температуры. Санитар влил ему в рот какое-то лекарство и ушел.

Пугачев вдруг ощутил приближение смерти. Внутри у него все трепетало – легкие, кости, сердце... Конец так конец. Умирать, как оказалось, не так уж и страшно.

Но постепенно внутреннее трепетание затихло, и боль начала проходить...

* * *

Болезнь долго не отпускала Пугачева из своих цепких объятий. Соседи в бараке сменились несколько раз: кто-то из них выздоравливал, а кого-то санитары выносили из барака напрямиком на кладбище.

Чума еще давала о себе знать в российской армии, но постепенно отступала. Но на смену ей стремилась не менее тяжелая болезнь – азиатская лихорадка.

Пугачев откровенно завидовал выздоравливающим и от всей души сочувствовал умирающим. Душу томила неясная тревога, которая отгоняла сон. Не спавшего уже несколько ночей кряду Пугачева разморило и клонило в этот день ко сну.

Он видел степь. Но она показалась ему унылой и однообразной, как азиатская пустыня. Емельян знал степь хорошо и любил ее. Пугачев любил бескрайние просторы, любил утренние и вечерние степные зори, любил многоцветье и разнотравье, любил запахи трав...

Он дремал и видел хороший сон. В это время кто-то уселся на табурет рядом с кроватью и легонько потряс его за плечо. Пугачев с трудом разлепил веки и увидел довольное лицо походного атамана Грекова.

– Вот, значит, ты где хоронишься, стервец? – улыбнулся доброжелательно атаман. – А мы тебя прямо обыскались все. Среди убитых нет, среди раненых тоже не сыскали. Думать начали, что побег, дезертировал наш храбрый хорунжий Пугачев!

Ни дремать, ни спать Емельян уже не мог: короткое забытие подкрепило его силы, а пришедший его навестить атаман и вовсе разогнал сон.

– Чего палишься, будто на Христа распятого? – еще шире улыбнулся Греков. – Ей-богу рад, что хворый ты, Емеля, а не дезертир пакостный.

– Как житуха там у вас? – спросил Емельян.

– А что нам будет? – рассмеялся атаман. – Лупим турков в хвост и гриву! Им сейчас не слаще нашего приходится. Болезнь не щадит как наших, так и их. Как косой, косит басурмановы ряды!

Греков замолчал. Лицо его сделалось задумчивым и даже мечтательным, сосредоточенным на какой-то недосказанной, но, очевидно, захватившей его мысли. Атаман машинально тербил торчащие усы. Потом улыбнулся и замурлыкал под нос, как разнежившийся на весеннем солнышке мартовский кот.

– А я слышал, что ты в бреду государем Петром Третьим себя величал? – вдруг спросил он. – Ты, случаем, не рехнулся зараз от хвори, Емеля?

– Что в бреду не ляпнешь! – уклонился от прямого ответа Пугачев.

Греков облегченно вздохнул и перекрестился:

– Ну, тогда слава Господу. А я черт-те что про тебя подумал. И ты помолился Господу Богу, Емеля, в сорочке, видать, сродился ты: ни рана тяжелая на смерть не обрекла, ни хворь черная!

Атаман доверительно коснулся руки больного:

– А что, ты и впрямь на помершего императора похож. Мне доводилось покойничка еще живым лицезреть! Ну давай не хворай, Емеля, а мне пора ужо.

Проводив Грекова взглядом, Пугачев облегченно вздохнул. Его внимание вдруг привлék всхлип с соседней кровати. На ней лежал ожидавший выписки молодой артиллерист Фома Гусев. Емельян дотянулся до него рукой и участливо окликнул:

– Ты чего, хнычешь, что ль?

Фома сел в постели, он хотел что-то сказать, но губы его затряслись и выдавили непонятные звуки. Пугачев решил – лихорадка! – и тронул было лоб парня, чтобы определить, есть ли жар, но Гусев грубо оттолкнул его руку и с озлоблением, готовым прорваться слезами, закатал штанину и выставил ногу с небольшими бурыми пятнами.

– На-ка вот, подивись.

– Лекарю о том обскажи и еще лечись, – посоветовал Пугачев.

– Говорил уже, – буркнул Фома.

– И что?

– Козел он безрогий, а не лекарь!

Пугачев никогда не видел Фому таким возбужденным и несдержанным. Он с любопытством разглядывал его и слушал его злые, порывистые слова.

– Домой хочу, в отпуск. Не хочу больше торчать в этой вонючей яме! А козел этот лекарь, чтоб пуля ему промеж рог угодила, мне и говорит: «Что ты, что ты, у тебя легкая форма...» Так что должен я, видишь ли, ждать, когда форма, будь она неладна, будет тяжелой? Насрать я на всех хотел...

Пугачеву было противно и одновременно жаль его. Он успокаивал Фому как умел. Но, успокоившись, тот сказал упрямо:

– Пушай делают со мной что захотят, но я здесь, на войне, больше не останусь. И олух я царя небесного, что не утек отсюда еще осенью.

Вечером все население госпитального барака долго пробовало успокоить Гусева. Но Фома не слушал никого. Он был таким, каким его еще никто не видел за время лечения: он ругался, матерился, орал, а на глаза наворачивались слезы.

Тогда Пугачев, побледнев от гнева, скинул с себя одеяло и показал Гусеву ноги в цинговых пятнах.

– Ну что? И мне теперь реветь зараз с тобою?

Фома смотрел на ноги Емельяна. Затем, отвернувшись к стене, накрыл голову подушкой и затих.

А утром его нашли висящим у входа в барак.

– Эх ты, придурь! – вздохнул Пугачев и, словно ничего не произошло, лег снова спать, закрывшись с головой одеялом.

13

Оренбургский военный губернатор – генерал-поручик Иван Андреевич Рейнсдорп, слушал доклад председателя Следственной комиссии полковника Неронова. К полковнику губернатор относился с прохладцей. Иван Андреевич смотрел на председателя комиссии и силился понять: откуда вдруг в этом изысканно-вежливом и всегда чуть ироничном столичном офицере взялась такая хватка?

– Вот так все и выглядело, – закончил доклад полковник и вложил лист в кожаную папку.

Но губернатора, который ровным счетом ничего не понял, подобное повествование отнюдь не удовлетворило.

– Постой, давай сначала, – сказал он. – Когда, говоришь, казаки взбунтовались?

– Тринадцатого января сего года, – без запинки ответил Неронов.

– А ты сам сюда, в эту помойку, напросился?

Полковник поморщился. Ему не понравились вопрос и тон, которым он был задан. Но он заставил себя улыбнуться и четко, по-военному, ответить:

– Так точно. У меня были на то причины.

– А какова причина бунта казаков яицких?

– Так я же докладывал только что! – удивился Неронов.

– То было по-казенному. А я вот хочу послушать по-простецкому и более понятному!

Но до Ивана Андреевича все еще не доходило, почему императрица прислала именно Неронова. А этот хлыщ столичный хоть сам-то понимает, куда попал? Губернатор внимательно осмотрел форму полковника: новенькая, а с ножен сабли свисает крепкий узел из желтой хлопчатобумажной тесьмы вместо блестящей золотой канители; но при этом мундир как с иголочки, без единого пятнышка.

– Так что? Почему казаки взбунтовались-то?

– Давно у них назревало, – пожав плечами, перешел с казенного на нормальный тон Неронов. – Еще с 1762 года. Атаман Меркурьев со старшиной Логиновым разошлись во взглядах, и потому казаки яицкие тоже разделились. Те казаки, что Меркурьева поддерживали, помалкивали. А кто занял сторону старшины, так те все жаловались на притеснения разные от канцелярии, учиненной в войске правительством!

– А на что жаловались? – полюбопытствовал губернатор.

– Так я ж... – Неронов спохватился, откашлялся и продолжил: – Жалованье недоплачивали, налоги выдумывали, да и права и обычаи рыбной ловли как будто поурезали. На жалобы чиновники не реагировали!

– И что, за то и бунтовать вздумали? – усмехнулся губернатор.

– В тысяча семьсот шестьдесят шестом году генерал Потапов, а в шестьдесят седьмом генерал Черепанов усмиряли казаков. Многих примерно наказали.

– Видать, мало наказали, раз снова бучу поднимают. – Иван Андреевич наконец-то указал Неронову на стул: – Присаживайтесь, полковник. По глазам вижу, что вам еще есть о чем мне сказать.

Неронов недоумевал. «Непонятливость» оренбургского губернатора удивляла его, раздражала и настораживала.

– Тут еще калмыки свою лепту внесли к недовольству казаков.

Иван Андреевич что-то записал и посмотрел на полковника:

– Ты про тех калмыков, что кочуют ордами по степям между Волгой и Яиком? Но они России всегда верно служили. И границу охраняли.

- Так что калмыки-то учудили? Они же мирные, как овцы?
- Прижимать их зря много приставы начали. И они сбежали. В Китай.
- Ку-у-да?
- По киргизской степи в Китай! – уточнил Неронов.
- А казаки тогда почему взбунтовались?

Прежде чем ответить, полковник ненадолго задумался:

- Даже не знаю, как сказать.
- Как скажешь, так скажешь, – кисло улыбнулся губернатор. – Я пойму!

«Как же, поймешь, тупица! – зло подумал Неронов. – Доклад зачитал, а ты ничего так и не понял!» А вслух сказал:

– Яицкому войску велено было в погоню за калмыками двинуться. Их задача – остановить беглецов и возвратить обратно! Но казаки отказались исполнять повеление. И... взбунтовались! Потому мне поручено было возглавить Следственную комиссию.

- И что вы выявили?

– Под предводительством казака Кирпичникова подошли к дому капитана Дурнова и потребовали выдачи якобы задержанного жалованья. Генерал-майор Траубенберг приказал им разойтись. Но казаки проявили неповиновение. Они набросились на Траубенберга и его солдат. В результате генерал был убит, Дурнов изранен, членов канцелярии взяли под стражу, а на их место посадили «свое начальство»! Они даже, набравшись неслыханной наглости, отправили своих выборных в Петербург. Но не пощады просить за мятеж, а оправдать свой бунт кровавый! Но из Москвы для усмирения и наказания бунтовщиков был послан генерал Фрейман с отрядом гренадеров и артиллерией. Фрейман наголову разбил бунтовщиков. Бежавших переловили, остальных усмирили.

- И теперь разбираешься с бунтовщиками ты.
- Так точно, ваше высокопревосходительство!
- Много их в Оренбург понагнали? – подводя черту, спросил губернатор.
- Много, – ответил Неронов.
- Мест в тюрьме хватило?

– Нет. Кого не поместили, от вашего имени рассадили по лавкам Гостиного и Менowego дворов.

– Ах, да, – вспомнил губернатор, – я действительно подписывал такое распоряжение. Так чего им ожидать?

– Видите ли, должно же как-то наказываться человеческое упрямство, – улыбнулся полковник. – Особой строгости проявлять не велено, но меры будут приняты соответствующие.

- Ладно. Как вы устроились?
- Ничего. Думал, хуже будет!

* * *

Полковник Неронов уселся за стол в тюремном дворике и крикнул приставу:

- Давай, подводи по одному.

Первым подошел угрюмый казак, вид которого говорил, что он покорен, но пока еще не сломлен. Неронов нахмурил брови и сжал кулаки:

- Как звать, сволочь?
- Дык Ивашка я... Ивашка Ковшов я.
- Почему против государыни бунтуешь, вор? – крикнул полковник.

Видимо, давность минувших событий несколько подействовала на мыслительный процесс туповатого казака, и он, пожав плечами, промолчал.

- На площадь в Яицке зачем ходил? – продолжал допытываться Неронов.

– Дык, почитай все зараз ходили. И иконы в церкви брали, за то каюсь, твое высокородие!

– Только за это? – удивился полковник.

– А за что ж еще? – не меньше его удивился казак.

Неронов вскочил, подошел к казаку и ухватил его за густые волосы:

– Генерала Траубенберга бил?

– А кто его знает, – стиснул зубы казак. – Лупили кого-то. А генерал он или нет, ей-богу, не ведаю!

– Приведите Коровина! – крикнул полковник, не отпуская казака и продолжая пристально смотреть в его бегающие глаза.

Привели Коровина и поставили рядом с Ковшовым. Удлиненное лицо казака хранило какое-то сонное, тупое выражение. Потускневшие глаза смотрели в землю.

– Этот бунтовщик бил генерала? – спросил Неронов у Коровина.

– Может, и он... А может, и не он...

Коровин посмотрел на Ивана Ковшова. Было видно, что он узнал его и улыбнулся беззубым ртом, но улыбка тут же сменилась жалкой гримасой страха.

– Так ты его узнаешь? – спросил полковник.

– Узнал, – вздохнул Коровин и снова опустил глаза в землю.

Неронов приказал увести Коровина и вновь «навалился» вопросами на Ковшова:

– Ну?

– А я что? – ухмыльнулся казак. – Я ж говорю, что лупцевал офицера какого-то. А генерал он или урядник – ни сном ни духом не ведаю. Народу-то тьма было, и все лупили его.

Ковшов не таясь рассказал об избиении, которому был свидетелем и участником одновременно. Конечно, главным виновником он себя не выставлял. Неронову стало ясно, что ничего интересного он от казака не узнает.

– Куда пошли потом?

– Куда мы пошли? – переспросил казак.

Руки его заметно затряслись, он быстро сунул их под мышки. Ковшов не был хитер, не умел лгать, но тем не менее и он разобрался, какая опасность таится в этом вопросе для него.

– Пошли туда, куда и все зараз пошагали, – еле выдавил он из себя.

– Кто именно и куда пошел?

– Все, кто был.

– Тогда перечисли, кто был!

Казак поднял на Неронова широко раскрытые, полные недоумения глаза.

– Ваше высокородие, вы же зараз обещанье дали. Ежели правду скажу, живой останусь? Вы же...

Полковник размахнулся, но не ударил:

– Хочешь, сейчас в рыло твое бородатое заеду? Ты, гад, пока еще мне ни правды, ни полуправды не сказал. Говорить будешь?

Он поднес кулак Ковшову под нос:

– Видел?

– Когда войско на нас пошло, все зараз супротив грудью встали. – Казак запнулся и тяжело задышал, как после долгого бега. – А когда войско разбежалось, мы всех зараз лупить стали, – проговорил он, еще больше бледнея. – Генерала того у избы словили. И все его зараз лупцевали чем ни попадя. А я... а я лишь пнул разок сапогом легонько.

Ковшов заплакал. Либо он не рисковал прибавить к своим показаниям еще что-то, либо сейчас говорил правду.

– А потом что?

– Когда отлупили всех, кто попался, так и разошлись зараз кто куда.

– Увести, – приказал Неронов. – Ведите следующего!

Казак, словно сговорившись, твердили одно и то же. Вскоре допросы порядком утомили полковника. Наконец к столу подвели крепко связанного Кирпичникова. Охранник подтолкнул его к столу ружейным прикладом. Казак двигался лениво и был, по обыкновению, настроен вызывающе, даже насмешливо.

– Что, опять лыко да мочало? – с едкой ухмылочкой спросил он.

– Заткнись. – Неронов сел за стол и сцепил в замок пальцы. – Сегодня я буду спрашивать только то, о чем очень хочу знать, скотина!

– Хочется, да перехочется, – рассмеялся Кирпичников. – Тебе уже столько наболтали, что я ничего нового тебе не обскажу!

– Тут я решаю, что слушать, а не ты, – осадил его полковник. – Ты отвечай на вопросы, а не болтай, чего захочется!

– А ты на меня не ори! – взорвался Кирпичников. – Я казак вольный...

– А ну, врежь ему, – посмотрел Неронов на охранника.

Солдат понимающе кивнул и двинул прикладом Кирпичникову промеж лопаток. Казак охнул и невольно грохнулся на колени перед столом, за которым сидел, многообещающе улыбаясь, полковник.

– Ну что? – спросил он казака. – Ты подтвердишь слова других казаков, уже раскаявшихся?

– Предатели, предатели! – в злобном отчаянии прошипел пленник. Неронов покачал головой.

– Да, ваша карта бита. Лучше говори всю правду, собака.

Кирпичников скрипнул зубами. Глаза его сузились.

– Это ты взбунтовал казаков? – резко спросил полковник.

Казак втянул голову в плечи, опустил глаза. Он молчал.

– Не хочешь – не говори, – усмехнулся Неронов. – Про тебя уже все столько сказали, что для смертного приговора вполне достаточно. Я лично накину петлю на твою шею! Если у тебя в башке остались еще мозги, а не навоз, то должен понимать, что я не награды раздавать сюда из Петербурга приехал!

– А что, ежели сознаюсь, то жизнь сохранишь? – нахмурился Кирпичников, и по его голосу полковник безошибочно понял, что казак сломлен и начинает торговаться.

– Обещаю! Но ты мне за это скажешь, кто еще мутит казаков яицких...

14

В апреле 1771 года в Оренбурге поселилась загадочная женщина. Ее красота имела сокрушительную силу, и все мужчины безумно влюблялись в незнакомку. Томные карие глаза, полные неги и страсти, обладали таинственным магнетизмом. Даже волевых, сильных мужчин ее взгляд делал послушными игрушками.

Незнакомка носила французскую фамилию де Шаруэ, а звали ее Жаклин.

Проживала госпожа де Шаруэ в гостинице со слугой – японцем Нагой. Наглый здоровяк никого не подпускал к своей госпоже и всегда находился рядом с Жаклин.

Официальным занятием красавицы-француженки была торговля женскими шляпками, которые ей регулярно поставляли из Парижа. Шляпки были хороши и пользовались большим спросом у оренбургских модниц. Но злые языки поговаривали, что француженка имеет и другой доход, значительно превышающий шляпный.

Теплым летним вечером госпожа де Шаруэ прогуливалась в центре города. Рядом с ней важно вышагивал адъютант губернатора – капитан Александр Васильевич Барков. Он выглядел старше своих лет; высокий, стройный, черные глаза выделялись на бледном лице. Кроме того,

Барков не говорил грубостей, в то время как подавляющее большинство дворян Оренбурга рубили сплеча.

– Черт побери, меня удивляет, прекрасная Жаклин, – болтал капитан, шагая рядом с госпожой де Шаруэ, – что вы прячете свою божественную красоту в этом степном захолустье. Ваше место даже не в Париже, а в сказочном Эдеме!

– Вам это кажется странным, месье Барков? – улыбаясь, проворковала француженка. – Если все красивые люди будут проживать только в столицах, кто же тогда будет сиять в провинциальных городках?

– Вы правы, милая Жаклин, – пробормотал комплимент влюбленный капитан. – Но место ваше все же не здесь, а, на худой конец, в Москве или Петербурге!

– Оставьте, капитан. Оренбург очень милый городок, и здесь живут замечательные люди. А в высшем свете Москвы или Петербурга я бы показалась вам, месье Барков, настоящей дурнушкой.

– Вы непростительно клевете на себя, прекрасная Жаклин!

– И не думаю. Вы, наверное, мало видели по-настоящему красивых женщин, капитан?

Барков хотел ответить какой-то любезностью, но перед ними внезапно появился слуга де Шаруэ и что-то сказал своей госпоже на не понятном капитану языке. Японец тут же исчез. А красивые глаза госпожи де Шаруэ загадочно засверкали.

– Прошу простить меня, месье Барков, – сказала она, – важное дело заставляет меня покинуть вас.

– Какие важные дела могут быть у красивой женщины? – удивился тот.

– Не государственные, – прошептала Жаклин, одаривая его на прощание очаровательной улыбкой. – Из Парижа мне привезли новые шляпки.

Оставив капитана, госпожа де Шаруэ поспешила к гостинице.

* * *

Двое мужчин дожидались прихода Жаклин в ее гостиничных апартаментах. Они сидели за столом и молча разглядывали комнату, восторгаясь вкусом госпожи де Шаруэ.

Потолок комнаты был окрашен в небесно-голубой цвет и усыпан золотыми звездочками. Два амурчика держат в руках цветок, с центра которого свисал на шелковых шнурах массивный позолоченный светильник. Стены завешаны персидскими коврами, а пол выложен разноцветной мозаикой в виде звезды. Высокие двери завешаны синим бархатом. У стен, в хрустальных вазах, стояли розы и издавали приятный дурманивший аромат. Вокруг стола – высокие позолоченные стулья, обитые голубым китайским шелком. Здесь хозяйка принимала гостей.

Ожидавшие госпожу де Шаруэ гости были одеты в куртки и штаны из гладкой кожи, в тяжелые желтые сапоги с толстыми подошвами, под которыми хрустел хрупкий мозаичный пол. Лишь белые воротники да широкополые шляпы указывали на принадлежность гостей к дворянству.

Как только Жаклин впорхнула в комнату, мужчины встали и изысканным поклоном поприветствовали ее.

– Я рада вас видеть, месье Флоран, – улыбнулась Жаклин, – и вас, месье Анжели.

Госпожа де Шаруэ села в узорчатое кресло у окна. Потрясенные французы, позабыв обо всем, топтались у стола и пялились на женщину. Они были поражены ее неземной красотой.

Жаклин можно было дать лет двадцать пять с небольшим. Статная, живая; из-под шитой жемчугом шляпки на белую шею спадали черные кудри. Высокий гладкий лоб говорил о недюжинном уме, а прямой тонкий нос, трепещущие розовые ноздри и зеленые, но необычайно блестящие глаза, – о хитрости. А сердце, а душа? Трудно сказать. Холеное тонкое лицо порой вспыхивало благородным воодушевлением, порой выражало злую насмешку, иногда освеща-

лось неотразимой улыбкой, а порой становилось холодным, как мрамор. Только полные, чуть приоткрытые губы да беспокойные движения свидетельствовали о том, что в этой женской головке бьется горячая кровь. Кто видел, как ее высокая грудь вздымается, рвется из пут шелкового голубого платья, как обвивает ее стройный стан кожаный пояс, как нетерпеливо переставляет она по полу свои ножки в белых сапожках; кто все это видел, тот, без сомнения, должен был признать, что эта женщина рождена для любви и страсти! Но любила ли она когда-нибудь?

– Черт подери! – воскликнул месье Флоран. – Уже который раз вижу тебя, Жаклин, но, как и в первый раз, теряю дар речи!

– Ты не стареешь, а молодеешь и хорошеешь! – вторил ему месье Анжели.

– Ах, господа, – улыбнулась им с благодарностью госпожа де Шаруэ, – я тоже счастлива вас видеть!

– Мы в этом не сомневались ни малейшим образом, – сказал за обоих, учтиво кивнув, Флоран.

– Надеюсь, вы явились не с пустыми руками, господа? – с ядовитой улыбочкой поинтересовалась Жаклин.

– Гм-м-м! – смешавшись, хмыкнул Флоран. – Разумеется, нет! Мы привезли все, как было обещано.

– И на вас не напали по пути разбойники? – спросила Жаклин, улыбаясь уже презрительно. – Говорят, их много развелось в дикой степи.

– К счастью, нет, – ответил Анжели. – Атаман разбойников – нам друг. Он даже любезно сопровождал нас прямо до стен Оренбурга.

– И много вы привезли? – насторожилась Жаклин.

– Достаточно, чтобы развязать войну и выиграть ее, – улыбнулся, отвечая, Флоран. – Если потребуется, то его величество даст еще столько же.

– Ваш король щедр, – нахмурила красивые брови Жаклин. – Только вот никак не пойму, зачем ему нужен бунт казаков в российской глубинке?

Французы переглянулись, после чего Анжели сдержанно ответил:

– Мы всего лишь слуги своего короля и беспрекословно исполняем его августейшую волю.

– И мы не задаем вопросов, касающихся интересов Франции, – поддержал его Флоран. – Советую и тебе не делать этого.

– Ваш король мне не указ! – вспыхнула Жаклин. – И я не хочу рисковать жизнью даже ради любимой вами Франции!

Гости еще раз переглянулись. Флоран повернулся к Анжели и улыбнулся ему:

– Наша многоуважаемая госпожа, видимо, позабыла, кто она есть и для чего сюда пожаловала?

– Она еще, очевидно, позабыла, чей кушает хлеб и благодаря кому все еще жива? – не глядя на Жаклин, сказал Анжели.

Оба француза весело рассмеялись и, зная, что хозяйка злобно смотрит на них, пожали друг другу руки.

Месье Флоран, словно недоумевая, пожал плечами и покачал головой, после чего вкрадчиво заговорил:

– Так вот, друг мой Анжели, я так и не досказал тебе историю о прекрасной Анне из немой России. Точнее, об ее первом преступлении, открывшем счет многим кровавым деяниям этой опасной во всех отношениях леди!

Жаклин напряглась и впиалась пальцами в подлокотники кресла. Но французы сделали вид, что не заметили перемены, происшедшей в поведении прекрасной хозяйки.

– Я слушаю, друг мой, – кивнул Анжели и бросил взгляд на Жаклин. – Скажу больше: хозяйку этой обители тоже заинтересует ваш рассказ, месье.

– В один из дней в доме князя Бибикова, в Москве, появилась новая горничная. – Флоран посмотрел на раскрасневшуюся Жаклин и продолжил: – Юная, живая, непосредственная и необычайно красивая. Ее отец, кажется, разорившийся пекарь, свел счеты с жизнью при помощи куска мыла и веревки. Так вот в горничных эта бойкая особа долго не засиделась. Обобрав князя до нитки, она бежала из Москвы с юным красавцем.

Флоран заговорщически подмигнул застывшей в кресле Жаклин и повернулся к Анжели:

– Но, видимо, красавец быстро утомил Анну, и вскоре его холодный труп был найден в Петербурге на берегу Невы с черными от яда внутренностями.

– И она понесла за это наказание? – спросил Анжели со скучающим видом.

– Увы, я спешу разочаровать вас, друг мой, – усмехнулся Флоран. – Этой кровавой девице удалось скрыться! И более того, она сумела покорить богатого, но недалекого графа, не вылезавшего из своего имения, и благополучно подвести его под венец.

– А фамилию этого графа вы не знаете? – спросил с издевкой Анжели.

– Обижаешь, сударь мой, – покачал головой Флоран. – Его фамилия...

– Довольно, хватит! – воскликнула, вскакивая, Жаклин. – Мне неинтересно слушать ваши непристойности.

– Ну, друг мой Флоран, я слышал немало презабавных историй, в которых рассказывалось о коварных женщинах. К счастью, все они русские. Француженки на такие гадости не способны! А наша замечательная Жаклин вновь полюбила Францию и нашего короля, протянувшего ей когда-то руку помощи. Не так ли, прекрасная Жаклин?

Госпожа де Шаруэ с трудом сдерживала свое неутолимое желание вцепиться когтями в гнусные физиономии гостей и разорвать их.

– Не знаю, – хрипло ответила она, облизнув пересохшие губы.

– А я знаю, – грозно посмотрел на нее Флоран. – Мы спасли Анну от заслуженной петли. Мы дали ей все, что она сейчас имеет! И она должна твердо усвоить впредь, что за любезность надо отвечать любезностью. Его величество дал Анне новое имя и свое подданство, и она должна...

– Довольно! – взвизгнула Жаклин. – Идемте разгружать товар и убирайтесь к черту, месье французы.

Вместе они спустились на улицу.

– Где повозки? – тихо спросила госпожа де Шаруэ у Анжели.

– У твоего шляпного салона, – ответил он.

– Много привезли?

– Сто бочонков.

– Сто бочонков золота?!

От услышанного Жаклин едва не лишилась дара речи.

– Тс-с-с, – оглянувшись, цыкнул Флоран. – Не золота, а меди. Казаки и за медные деньги растрясут всю Россию, – беря под руку госпожу де Шаруэ, прошептал Анжели.

И они отошли от гостиницы.

* * *

Слуга француженки проводил хозяйку и ее гостей долгим внимательным взглядом. А когда их фигуры растаяли в поглотившей город темноте, спешно перебежал улицу и остановился под деревом в скверике у кабака. Не успел Нага коснуться рукой дерева, как возле него, словно из-под земли, вырос бродяга.

– Это я, Садык, – тихо сказал тот на кайсацком.

– Заткнись, ишак! – рыкнул Нага, хватая его за грудки. – Сколько раз предупреждал, чтобы не смели произносить моего имени даже во сне.

– Прости, – захрипел перетрусивший мужчина. – Я... я...

Нага отпустил его, брезгливо поморщился и вытер руки носовым платком.

– Скажи всем, чтоб сидели и не высывались.

– А как же французы? – прошептал озадаченно байгуш (разбойник). – Ты же сказал, что они привезут много денег?

– Деньги они привезли, только медные, – раздраженно ответил Нага. – Ждать еще надо.

– А что, нам и медные сгодятся, – загорелся байгуш. – Лишь бы их много было. А то люди роптать начинают!

– А ты им скажи, – лицо Наги перекопилось от злобы. – Скажи всем, пусть ждут и не высываются. Хозяйка шкуру сдерет с любого, кто только ослушается!

Нага схватил байгуша за горло и сдавил его пальцами:

– Или ты забыл, как поступает госпожа с ослушниками?

– Нет, не забыл, – захрипел несчастный, вздрогнув от грозного предупреждения. – Всем скажу. Всем... Сам зарублю каждого, кто только помыслит ее ослушаться!

15

Вдоль стен тюремной камеры громоздились двухъярусные нары, сколоченные из крепких досок, застланные поверх слоя соломы тяжелыми грубошерстными одеялами. Надзиратель показал Ковшову на нижние нары слева.

– Над тобой будет спать Кирпичников, а Злобин тут, напротив, с Матвеем Беспаловым, оба они сейчас на допросе.

Вытянутый в длину прямоугольник, запах влажной земли и затхлости – склеп на десять гробов; вслух надзиратель этого, конечно же, не сказал.

– А кто, скажи на милость, здесь до меня томился?

– Того уже нет. Его уже в солдаты забрали. Так что устраивайся: я тебе скажу – такие удобства ты ни в одной другой тюрьме не найдешь. Погляди вот, даже подушка имеется. Правда, одна только. Но ничего, будете спать на ней по очереди!

– А кто здесь томился? – спросил Кирпичников, указав на отведенные ему нары.

– Тебе-то какая разница? Тоже, поди, уже на войне турецкой в окопе головушку сложил. Надзиратель ушел, закрыв за собой дверь.

– Поди, и клопов здесь тьма тьмущая, – озадаченно почесал бороду Ковшов.

– А ты думал, муха навозная! – Кирпичников похлопал по спине Ковшова. – Тюрьма без клопов и крыс – не тюрьма! Я вот еще не поленюсь и своих всех клопов тебе зараз подкину, чтоб язык твой болтливый до корня отгрызли.

– Дык испужался я, – заморгал удрученный Иван Ковшов. – Он же от жизни отрешить зараз грозился.

– А ты и в портки наложил. А еще казаком себя называешь, ишак вислоухий.

– Как мыслишь, что с нами будет? – поспешил переменить тему Ковшов.

– Спасибочки скажут и наградят тебя за то, что своих оговорил.

– За что?

– За то, что супротив воли государевой рыпнуться посмели.

– Как ты сказал?

– За то, что бунт учинили, бестолочь.

– Так то бунт был? – глаза туповатого казака поползли из орбит: – А я-то мыслил, что пошумели мы малость, и все тут.

Едва ли Кирпичников смог бы объяснить Ковшову, почему их за то, что «пошумели», не «отшлепали» по-отечески, а усадили на тюремные нары. Он предпочел придвинуть один из стоящих у окна табуретов. Но не успел сесть, как от двери послышался грозный окрик надзирателя:

– Всем стоять, рыла каторжанские! Кто шелохнется, покуда я дверь отворяю, башку отверчу!

«Еще горемык привели», – первое, что пришло Кирпичникову в голову при виде арестанта, вводимого в камеру, его бледного, как известь, лица, со сведенными судорогой губами, открывающих короткие коричневые от табака зубы. Кирпичников не сдержал язвительной улыбки:

– Еще одного «героя» привели. Чую, всем нам здесь скучно зараз не будет.

– Наверное, еще много народу приведут, – вздохнул располагавшийся на нарах Ковшов.

– А ты не Пахом Жарков? – воскликнул Кирпичников, узнав казака из Яицка. – Тебя-то чего ради воли лишили? Ты ж и без того блаженным дурнем всегда был?

– Не знаю, – захныкал Жарков, размазывая слезы по лицу грязными кулаками. – Схватили, в зубы двинули – и в телегу.

Кирпичников задумался. Красноречивые картины прошедших событий вдруг встали перед ним: припомнились эпизоды боя, кровь, вопли и полные отчаяния крики разгоряченных битвой казаков.

– Эх, зазря мы сее затеяли, – вздохнул он. – А ведь все по-людски зараз справить хотелось.

– А что теперь с нами будет, господи? – поскуливал на нарах Ковшов. – Кто ж знать-то мог, что бунт это.

– Да будя тебе жилы-то драть, христарадник. – Кирпичников, сжав кулак, оттопыренным большим пальцем указал в землю. – В могиле все равны будем! Что барин, что казак, что полковник столичный!

– Неужто казнят, господи? – продолжал стенать Ковшов.

– Тебя – нет! – зло пошутил Кирпичников. – Казнят завсегда только казаков! А таких, как ты, пустобрехов и вралей, только выпорют камчой примерно и домой без портков отпустят.

К концу дня камера была переполнена до отказа, а грозный надзиратель все приводил и приводил арестантов, которым в камере уже стоять становилось тесно.

Ночь узникам показалась вечностью, а наступающее утро пугало неизвестностью. И все же оно наступило...

* * *

Утром председатель Следственной комиссии полковник Неронов проснулся раньше обычного. На полдень был назначен отчет комиссии перед губернатором с последующим оглашением решения комиссии относительно взбунтовавшихся яицких казаков. Неронов тер озабоченно лоб, размышляя, как ему не переборщить с выбором наказания.

Громыхала Русско-турецкая война. Ко всем бедам, с нею связанным, прибавилась еще и смута в собственном доме. Придется затратить немало сил, чтобы бунт не повторился. Слишком мягким быть нельзя: казаки не должны почувствовать допускаемую в отношении них вынужденную слабость и получить по заслугам.

Вдруг полковник вздрогнул и оторвался от своих мыслей – у дверей его комнаты зазвенели шпоры, и на пороге появился Александр Васильевич Барков, адъютант губернатора.

– Господин полковник, – официальным тоном начал офицер, – доброе утро! Меня послал его высокопревосходительство губернатор!

– Что желает Иван Андреевич? – спокойно спросил Неронов.

– Его высокопревосходительство велел передать, что не может присутствовать лично на заслушивании отчета комиссии. Но он позволяет поступить с казаками так, как велит закон!

– Но присутствие губернатора обязательно, – нахмурился Неронов.

– Его высокопревосходительство так не считает. Он пришлет на площадь своего представителя. Честь имею! – капитан развернулся и ушел.

– Что ж, представитель так представитель, – недоуменно пожал плечами полковник и закончил свою мысль подвернувшейся на язык пословицей: – Кума с возу – кобыле легче.

* * *

Ближе к полудню оренбургские зеваки и завсегдатаи всяческих зрелищ стекались со всех городских улиц на площадь у Гостиного двора.

Люди переговаривались между собой, делясь догадками и обмениваясь слухами: кого из яицких казаков сегодня будут сечь или казнить, кого пожалеют и отпустят, или кого забреют в солдаты. Эти праздные люди, собравшиеся у Гостиного двора, изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год чувствовали себя как бы участниками тех великих исторических событий, которые происходили в городе по «велению» губернатора.

Полковник Неронов сидел за столом, накрытым красным сукном, вместе с другими членами комиссии. Ему хорошо были видны угрюмые лица казаков, приведенных для заслушивания выводов комиссии, а заодно получить то, что причиталось за бунт.

В первом ряду – казак Кирпичников, и с ним рядом те, кто больше всех «отличился» во время бунта. Кирпичников смотрел в землю, взгляд же стоявшего справа от него Ковшова метался по толпе зевак. Неронову не жалко было этих людей. Они виноваты, их руки в крови солдат и офицеров Российского государства. И напрасно зачинщик Кирпичников держится спокойно, напрасно надеется на снисходительность комиссии. Теперь ему придется вынести многое, и будет ясно, настолько ли он крепок физически, как его «несгибаемая воля».

Покается ли бунтарь Кирпичников? Исправим ли он?

Вожак мятежников выглядел, как и на следствии, вызывающе дерзко. Умирать приготовился. Вот Ковшова немного жаль. Прозрел бестолковый казак, да поздно! Рядом с ним Корovin. Поджал тонкие губы, глядит в одну точку перед собой. А вот и Матвей Гордеев, тот самый, который подбивал казаков на бунт, предпочитая «не высовываться» самому. Он не избивал генерала Траубенберга и капитана Дурнова, но высказывал такие речи, от которых кровь закипала в казачьих жилах. По нему видно, что Гордеев удивлен, что стоит здесь, на площади, что не увильнул, прозевал подходящий для того случай. И никак не может себе этого простить.

Из-за плеча выглядывал казак Чумаков. Он как-то сморщился, померк, грустно смотрел на членов комиссии. Интересно, о чем думает этот бунтарь? Оплакивает былую жизнь или со злобой жалеет о том, что не имеет возможности разрубить головы сидящих за столом людей, готовящихся объявить ему и всем остальным казакам заслуженный приговор?

Из второго ряда видно заросшее черной бородой лицо Степана Рукавишникова; он с плохо скрываемой ненавистью косился на охранников из-под насупленных густых бровей. Видимо, жалеет об утраченных степных просторах, о кистене и сабле. Мало кровушки пролил, упырь проклятый...

Пахом Жарков ерзал возле Рукавишникова. Его голова то появлялась, то исчезала за головами казаков переднего ряда. Полубезумный Жарков сегодня юродивым не выглядел. Он словно хотел оттесниться от окружающих его бунтарей, а некуда.

Рядом с ним неистово молился Авдей Горохов. Этот хитрый казак хотел казаться блаженным. Но комиссии доподлинно известна его кровавая роль во время бунта. Так что теперь отвертеться ему не удастся...

Все эти казаки и многие другие, стоявшие с ними рядом, оказались вместе не случайно. Пришло время платить за содеянное.

Полковник Неронов кратко зачитал доклад о ведении следствия, длившегося пять месяцев, и огласил причины, по которым «собраны» на площади у Гостиного двора яицкие казаки. Когда он перешел к заключительной части доклада, над площадью нависла мертвая тишина.

Ровный голос полковника перечислил имена главных мятежников. Толпа зевала заволаговалась, ожидая услышать смертный приговор. Но председатель комиссии обманул ожидания всех – как оренбуржцев, так и подготовившихся к самому худшему бунтарей.

– Кирпичников, Гордеев, Чумаков, Рукавишников, Горохов... – Неронов зачитал еще пятнадцать фамилий и посмотрел на членов комиссии, сидевших справа и слева от него: – Подвергнуть наказанию кнутом, по пятьдесят ударов каждому! Затем всех сослать в Сибирь!

Над площадью поднялся гул разочарования. Зевала не удовлетворила мягкость наказания, так как большая их часть желала услышать смертный приговор. Толпа обвиняемых казаков ответила радостными восклицаниями.

Полковник вынужден был прервать свою речь, пока восстановится порядок.

– Ковшов, Коровин, Жарков... – Неронов зачитал чуть больше сотни фамилий. – Забрить в солдаты и отправить на фронт!

Чтение «обвинения» закончилось прощением остальных участвовавших в бунте казаков с условием, что они присягнут на верность государыне.

Незаметно пролетело четыре часа. Наказание и повторную присягу назначили на среду, и заседание полковником Нероновым было объявлено закрытым. Люди начали расходиться, бурно обсуждая все, что слышали.

Неронова окружили члены комиссии и местные дворяне, наперебой приглашая его отобедать в честь завершения работы комиссии.

Неронов чувствовал себя усталым. Все снова прокатилось через его сознание – через сердце. Хотя смертная казнь не была назначена никому, собранная картина бунта казалась страшной и зловещей. Терзала к тому же тревога относительно «мягкости» наказания. Одобряют ли его действия и решения в Петербурге?

В конце концов усталость понемногу стала отступать, а тревога – нет.

16

Закрыв за собой двери, адъютант Барков застыл в предписанной позе, и губернатор уже заранее знал, что он сейчас услышит: устами капитана с ним будет говорить председатель Следственной комиссии полковник Неронов, которого Иван Андреевич тщательно избегал под различными предлогами. Он отказался даже участвовать в «судилище» над яицкими казаками, хотя обязан был это сделать. Губернатор не хотел сейчас выслушивать Баркова, но выставить за дверь своего адъютанта тоже не мог.

– Председатель Следственной комиссии полковник Неронов удивлен вашим отказом принять участие...

«Начинается!» – подумал Иван Андреевич, а вслух сказал:

– Душа не лежит у меня к этому остолопу! Скользкий какой-то. Бунтовщиков зачем-то в Оренбург приволок. Разбирался бы с ними там, в Яицке, а меня бы в свои делишки не впутывал.

– А он недоволен был, – подлив масла в огонь, заулыбался лукаво адъютант. – Когда я сообщил, что вы вместо себя представителя пришлете, лицо у полковника вытянулось, и он стал похожим на коня!

– А он и есть конь! – нахмурился Иван Андреевич. – Сдается мне, что он и здесь обстановку пронюхивает.

– Н-не думаю, – позволил себе заметить Барков. – Насколько мне известно, комиссия занималась исключительно казаками!

Слова капитана почему-то вызвали бурю негодования в груди губернатора. В волнении он поднялся и подошел к окну, повернувшись спиной к адъютанту, который продолжал стоять в шаге от двери. Этот хитрый малый, вероятно, заметил возбуждение губернатора. Но если у него есть хоть капля догадливости, то он сейчас же покинет кабинет, чтоб губернатор мог подумать в одиночестве, как быть дальше.

Но Барков продолжал стоять, как вкопанный. В какой-то момент Ивану Андреевичу пришло в голову накричать на адъютанта – чего он еще тут ждет?! Но губернатор вовремя осознал неприемлемость такого решения. Он повернулся и строго спросил:

– Вам нравится состоять при моей особе, Александр Васильевич?

На лице адъютанта обозначилось недоумение, но он быстро справился с собой.

– Так точно, ваше высокопревосходительство!

– Вот уже минуло семь месяцев, как вы прибыли в Оренбург. Характеристики и послужной список у вас в порядке. Но мне почему-то хочется больше знать про вас, Александр Васильевич! Почему столь доблестного и положительного офицера отправили служить в наше захолустье?

– Для меня служить Отчизне нигде не зазорно!

От слов Баркова губернатора передернуло. Когда капитан замолчал, он закусил нижнюю губу, заложил руки в карманы и подошел вплотную к адъютанту:

– Сдается мне, что и ты с того поля ягода. Поди, «присматривать» за мной в Оренбург послан?

– Я прибыл сюда служить России! Шпионское ремесло – дело не мое!

– Берегись, если твои слова далеки от правды. А то можешь сломать себе ребра и лишиться головы одновременно!

– Да я...

– А я тебе говорю: пошел вон, Александр Васильевич!

– Разрешите идти? – вытянулся адъютант.

– Уже решил.

Как только надоедливый адъютант исчез из кабинета, губернатор вздохнул. Но не успел он вернуться к столу, как дверь снова распахнулась и вошел секретарь.

– А тебе чего надо? – нахмурился Иван Андреевич.

– Председатель следственной комиссии полковник Неронов требует видеть вас, – доложил секретарь.

– Он еще и требует?! – воскликнул сердито Иван Андреевич. – Что этому остолопу от меня опять понадобилось? Чтоб у меня кусок встал поперек горла при виде его гнусной физиономии? Что ж, пусть войдет. Надеюсь, эта встреча будет у нас последней.

Вошедший Неронов вежливо поклонился. Губернатор смерил его с головы до ног высокомерным взглядом и сказал презрительно:

– Что еще, полковник? Что вы так усердно рветесь в мой кабинет? Вы плохо выглядите. Опять, наверно, придется выслушивать какой-нибудь сумасшедший отчет?

– Я бы хотел поговорить с вами о серьезных делах, – стараясь быть предельно вежливым, сухо ответил Неронов.

– Говорите, не стесняйтесь, – сказал Иван Андреевич, усаживаясь за стол, но не предлагая полковнику садиться. – Здесь только я один и внимательно тебя слушаю.

– Простите, ваше превосходительство, что я вам досаждаю, но я уже четыре раза просил принять меня. Вы все уклоняетесь от встречи, а я ведь состою на службе у императрицы!

– Ну-с, послушаем. – И губернатор зевнул, небрежно скользнув взглядом по председателю Государственной следственной комиссии.

– Вам известно, – продолжал спокойно Неронов, – что я послан сюда выявить причины бунта яицких казаков и наказать их. Но, простите за резкость, вы, наверное, забыли о документе с моими полномочиями, как забыли и то, что не являетесь здесь единственным хозяином? О вашем недостойном поведении я доложу в Петербург!

– Ваше право, друг мой, – зло засмеялся Иван Андреевич. – Только не забудьте указать, что, убоявшись бунтовщиков, ваша комиссия проводила следствие подальше от беспокойного Яицка, в спокойном во всех отношениях Оренбурге!

– Я не обратил бы внимания на то, как вы обходились лично со мной, – жестко продолжал полковник. – Но я не могу молчать, как вы относитесь ко мне как к лицу государственному! А вы не боитесь, что в Оренбурге может случиться то же самое, что и в Яицке?

– Нет.

– Позвольте спросить – почему?

– Потому что наши казаки – люди смирные и законобоязненные.

– Но вы тоже не больно-то жалуете их «волей»? Да и поборы мало уступают яицким.

– Это ваши жалкие домыслы, милейший.

– Я уезжаю, а вы остаетесь, – улыбнулся полковник и протянул копии документов. – И молитесь Бога, чтобы не оказаться в шкуре ныне покойного генерала Траубенберга.

Неронов учтиво поклонился и вышел за дверь.

– Этот мерзавец меня оскорбил! – воскликнул Иван Андреевич, выпучив глаза. – Но ничего, я сейчас сам отпишу в Петербург относительно его чертовой комиссии.

* * *

Капитан Барков вышел из кабинета губернатора. Иван Андреевич бесцеремонно оскорбил честь и достоинство своего адъютанта. Его оскорбил человек, в чьей неуравновешенности он не сомневался.

До предстоящей встречи с Безликим оставалось еще довольно много времени. А потому капитан Барков решил напиться. На него редко нападала подобного рода блажь, но сегодня как раз и накатило.

Капитан зашел в кабак и занял пустующий столик в углу заведения. Кабак быстро заполнялся людьми. Когда, приняв изрядную дозу, Барков собрался уходить, за его столик подсели поручик Еремин и казачий урядник Фролов.

– Вот те раз, – радостно воскликнул Еремин, – сам адъютант губернатора в этом аду! Кто бы мог подумать?!

– А он что, не человек, что ль, – ухмыльнулся урядник. – Порой так накатит, что до смерти нажраться хочется, прости господи.

Обзаведясь собутыльниками, Барков пожал плечами, посмотрел с тоской в сторону двери, и веселье продолжилось.

Когда они опорожнили третью бутылку, Фролов извлек откуда-то еще фляжку водки. Но, как ни странно, языки выпивох ничуть не отяжелели. Темы разговоров становились все слаще и упоительнее.

Барков быстро закрыл глаза и сразу же их раскрыл, чтобы наполнить зрение дымом прокуренного помещения, грязной серостью стен, накрывающих столы скатертей. Вот так! Теперь он здесь, и существует лишь то, что он видит.

О губернаторе он вспоминать не хотел. Уж лучше изрядно напиться. Водка, однако, уже кончилась. Урядник Прокоп Фролов потряс над стаканом опустевшей фляжкой и пьяно ухмыльнулся:

– Кажись, все до донышка дожрали, господа хорошие.

– Хозяин! А ну поди сюда! – Еремин попытался встать, чтобы придать своему приказу больший вес, но это ему не удалось.

Зато хозяин все понял: щелкнул пальцами, и услужливый официант спешно поднес требуемую бутылку водки.

– Разтудыт твою мать! – пьяно выругался Еремин, дождавшись, когда урядник отойдет, чтобы справить малую нужду. – Я хочу кое-что тебе сказать. Теперь, когда мы тут одни. Ведь я совсем не такой, как раньше, но когда пробудешь в этом захолустье подольше, сам поймешь. Если бы я имел связи в Петербурге, ноги бы моей здесь не было! Я тут усыхаю... А душе простор требуется!

Поручик еще что-то пробормотал себе под нос и пьяно ухмыльнулся:

– А ты чего сюда приперся? Что, некому было словечко замолвить?

Он покачал недоверчиво головой и закончил, не дожидаясь ответа на свои бессвязные вопросы:

– А теперь я хочу спать. Помоги мне добраться до дома.

В это время у столика появился хозяин кабака с громилой огромного роста. Хозяин понимающе посмотрел на пьяного поручика и кивнул громиле:

– Пантелей, помоги его благородию!

Пантелей бережно взял Еремина на руки и осторожно, как засыпающего ребенка, понес его к выходу.

Скоро вернулся урядник Фролов. Он был уже до того пьян, что отсутствие поручика даже не заметил. Казак вылил в себя содержимое стакана и посмотрел на Баркова стеклянными глазами:

– А ты что? Ждешь отдельного приглашения? – И, взяв недопитый поручиком стакан, протянул капитану. – На-ка вот... хлопни за здоровье...

Барков протянул ему корку хлеба. Урядник сунул ее в рот и стал жевать. Проглотив корку, Фролов выпучил на Баркова пьяные глаза и слюнявым ртом спросил:

– Ты меня знаешь?

Барков утвердительно кивнул, хотя сидевшего перед собой человека видел впервые в жизни.

– Фролов я, Прокоп Силантьевич, – двинул себя кулаком в грудь казак. – Бердинский урядник. Да меня все вокруг знают да почитают.

– Сколько тебе годков стукнуло, Прокоп Силантьевич? – спросил Барков, подливая в стакан урядника водку.

– Господь даст, скоро пять десятков стукнет, – ответил урядник, поставив локти на стол. – Пять десятков отмерил, а что видал? Эх-хе...

– Ну, что-нибудь да видал, – улыбнулся Барков.

– Фигу я зрил за службу государеву! – казак свел пальцами фигу и занес ее над столом: – У нас только барчуки живут как люди. А мы...

– Что, так худо живется? – спросил капитан.

– А ты думал! – урядник грохнул кулаком по столу и, не обращая внимания на присутствующих, громко продолжил: – Все зараз прахом идет. Кругом одни поборы! Ты думаешь, яицкие казаки от хорошей жизни бунт подняли? А вот ежели наши за сабли возьмутся...

Фролов выпил, занюхал рукавом и продолжил:

– Казаки наши – что порох! Поднеси огоньку – и бах. В Илеке был, в Сакмарске... Много где был я. И везде, скажу тебе, благородие, бляха муха, на пределе...

Урядник ткнулся лицом в тарелку с квашеной капустой и захрапел. Барков встал и подозвал хозяина.

– Захаживайте, господин офицер, – залебезил хозяин заведения, получая деньги. – Всегда у нас рады людям государевым!

– Премного благодарен.

Барков натянул на руки перчатки и вышел из кабака. До назначенной встречи оставалось совсем немного времени. Он быстрым шагом дошел до Урала. Тут из-за кустов его окликнул Безликий:

– Я здесь, Александр Васильевич!

– Отлично!

– Ну, что нового? – спросил Барков, сгорая от нетерпения.

– Новостей пруд пруди, – ответил Безликий.

– А именно?

– Француженка Жаклин именно та особа, которую мы так долго и старательно ищем!

– Значит, не промахнулись, – довольно улыбнулся капитан, мгновенно протрезвев.

– В самую точку угодили, Александр Васильевич. Но она виновна не только в том, за что мы ее ищем.

– Даже так?

– Именно. В этом городе «наша» особа осела с куда более грязными помыслами, чем те поступки, которыми она уже успела вдоволь усладить свою черную душу!

17

Как только забрезжил рассвет, Ляля пошла в лес за грибами. Она находила их всегда. Даже в зимнюю стужу, когда кругом в лесу снег, грибы будто специально поджидали ее: беленькие шампиньоны в теплой влажной земле, а опята на пеньках – стоят себе, желтенькие, на черных ножках, и мороз им не страшен.

Собирать грибы ее научила Серафима. Была ранняя осень, деревья стояли нарядные, под ногами шуршали листья, пахло свежестью. Ляля увидела под осиной, в зеленой травке, как на картинке, дружную семейку белых в темных шляпках толстячков. С тех пор девушка влюбилась в грибы. В свободное время стала ходить с Серафимой в лес, если поблизости останавливался их табор.

В лесу Ляля радовалась всему: и воздуху, и листьям, и запаху влажной земли, а уж к грибам относилась, как к детям, так и приговаривала: «Красавчики мои, деточки лесные!»

Встречавшиеся в чащобе хищные звери не пугали ее. Рядом с Лялей они вели себя мирно и ласково урчали, когда девушка гладила их...

Как только табор раскидывал шатры у какого-нибудь села или города, слухи об удивительной цыганке немедленно облетали население, и к Ляле, как к чудодейственной иконе, тянулись люди.

Она ставила на ноги годами прикованных к постели, исцеляла незаживающие язвы.

– Расскажи нам свои секреты, – с завистью просили цыганки из табора.

Но девушка только качала головой:

– Этому научить невозможно. Способности к целительству переданы мне от родных!

Молодой цыган Вайда без памяти влюбился в Лялю. Но девушка не отвечала ему взаимностью. Она ко всем юношам табора относилась ровно и доброжелательно, не выделяя никого.

Не добившись ответной любви, пылкий Вайда возненавидел девушку. Он поклялся, что если она не выйдет за него замуж, то больше не выйдет ни за кого. Может быть, сгорающий от ревности и ненависти, Вайда уже давно убил бы Лялю, если бы она не пользовалась покровительством своей тетки, которую цыган сильно боялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.